

КИРИЛЛ КЛЕВАНСКИЙ

Сердце Дракона
IV

ИДДК

Сердце дракона

Кирилл Клеванский

Сердце Дракона. Книга 4

«ИДДК»

2019

Клеванский К. С.

Сердце Дракона. Книга 4 / К. С. Клеванский — «ИДДК»,
2019 — (Сердце дракона)

Мсть свершилась, но вместо триумфа Хаджар почувствовал лишь одиночество и пустоту в душе. Смерть пришла за ним и он был готов утешиться в её объятиях, когда мимолётное воспоминание дало ему надежду всё исправить и вернуло желание жить и бороться. Он решил сделать невозможное – заставить Богов изменить своё решение и ответить за свои ошибки, воскресить своих родителей и друзей, не дать страшному предательству, с которого всё началось, свершиться. Для этого он отправляется в Империю через бескрайнее Море Песка. Какие опасности встретит он на своём пути? Обретет ли он новых друзей или врагов? А может найдётся девушка, способная согреть его холодное драконье сердце?

© Клеванский К. С., 2019

© ИДДК, 2019

Содержание

Глава 256	5
Глава 257	8
Глава 258	11
Глава 259	14
Глава 260	17
Глава 261	20
Глава 262	23
Глава 263	26
Глава 264	29
Глава 265	32
Глава 266	35
Глава 267	38
Глава 268	41
Глава 269	44
Глава 270	47
Глава 271	50
Глава 272	53
Глава 273	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Кирилл Клеванский

Сердце Дракона. Книга 4

Глава 256

На небольшой площади под палящим полуденным солнцем редко когда можно было встретить прохожих. В это время на границе Моря Песка редко кто осмеливался появиться вне спасительных стен таверн и гостиниц.

Небольшой городок, окруженный стенами из желтого камня, находился аккурат перед раскинувшимися у горизонта огромными золотыми и оранжевыми барханами. Те поднимались, будто волны бушующего моря, и угрожали захлестнуть то небольшое, что смогла отвоевать себе растительность.

Здесь, у Города Трех Подков, все еще можно было встретить прорастающие из сухой красной земли редкие колючки, кустарники, низенькие деревья, а порой в каньонах даже слышалось журчание воды. Но туда редко кто отправлялся. Все знали, что каньоны – родина разбойников. Благо, что в каждом таком приграничном городке находился глубокий колодец со вкусной, а главное – холодной и чистой водой.

Сейчас же, когда солнце жарило с такой силой, что даже верблюды старательно жались к тени, народ в основном обитал в чайных. В одной из такой и происходил следующий диалог.

В свободном кафтане, с трубкой в руках и тюрбаном на голове, на удобных подушках сидел мужчина средних лет. Его острая борода была побита сединой, но цепкий взгляд почти черных глаз и изогнутая рукоять палаша не позволяли относиться к нему снисходительно.

– Спасибо, изумрудная, – кивнул мужчина, принимая из рук девушки-официантки очередную пиалу с горячим чаем.

Как бы странно это ни звучало, но бедуины и «моряки» Моря Песка всегда пили только горячие напитки. Так они сохраняли прохладу в теле. Увы, им приходилось тратить огромное количество денег на благовония, так как сохраняли они ее при помощи собственного пота. Чем горячее напиток, тем больше пота, чем больше пота – тем прохладнее коже.

Хаджар еще месяц назад считал это мифом, но теперь и сам спокойно потягивал горячий чай, продолжая наблюдать за дальним столиком.

Напротив мужчины сидел юноша, который то и дело косился взглядом на девушку с чайником. А посмотреть там было на что. Особенно учитывая, что ее тонкие, шелковые одежды просвечивали достаточно, чтобы увидеть то, куда смотрит каждый юноша, оставивший позади хотя бы пятнадцать весен.

– Ты слушаешь меня, Шакх? – Мужчина усмехнулся, заметив направление взгляда мальчишки.

– Да, дядя, – кивнул парень, поправляя перевязь с изогнутыми кинжалами. – Конечно, я тебя слушаю.

– Уверен? Мне кажется, что ты больше смотришь на бедра этого пустынного изумруда.

Хаджар поднял пиалу, и девушка налила и ему. В ее зеленых глазах Хаджар увидел легкие искры – все, что осталось от некогда жаркого костра. Девушка была явно уставшей, а ее бронзовая кожа даже слегка посерела от этого.

Увы, это никак не волновало хозяина заведения, который продолжал гонять единственную работницу. Да и юноша по имени Шакх – тоже.

– Что ты, дядя, я внимательно слушаю тебя, – продолжал настаивать на своем юноша.

– Ты уверен, что хочешь отправиться в этот раз со мной в империю, Шакх?

Мужчина, почесывая бороду, смотрел в глаза юноши, будто пытаясь отыскать там ответ на свой вопрос.

– Путь неблизкий, – продолжал он, – мы пойдем через все Море Песка. Караван у нас простой, верблюды и пустынные звери не выше стадии пробуждения силы. Идти будем не меньше трех лет. Это не месячная прогулка с караванами вельмож и дворян.

– У меня нет денег на место среди высокорожденных, дядя.

– У твоего отца есть, – пожал плечами мужчина и жестом вновь подозвал официантку.

Та, звеня браслетами на голых лодыжках, тут же подошла и плеснула в подставленную пиалу еще немного ароматного чая. Через мгновение она упорхнула к следующему столику. Широкие, круглые, они стояли почти у самой земли – настолько короткими были их ножки. Стулья заменяли подушки, а потолка и вовсе не было – круглое отверстие, прикрытое сухими ветками и циновками.

Хаджар и к этому долго не мог привыкнуть. Как, собственно, и к тому, что за несколько месяцев его путешествия к границе Моря Песка он не попал ни под единый дождь. Собственно, дожди здесь вообще почти не шли.

Зато через такое вот отверстие помещение быстро покидал горячий воздух, оставляя место живительной прохладе.

– Он против того, чтобы я ехал в империю, – вздохнул Шакх, опрокидывая пиалу так, будто там плескалось крепленое вино.

– Я могу понять твоего отца. Мой брат мудр.

Глаза юноши грозно сверкнули, а медные щеки окрасила алая ржавчина.

– Твой брат хочет, чтобы я, как и он, копал всю жизнь колодцы!

– Потому что ты старший сын старшего брата, – мужчина проигнорировал вспышку гнева собеседника, – таков обычай нашего народа, Шакх. К тому же – где ты найдешь в Море Песка человека богаче, чем хороший колодезник? Вода нужна всем. Даже лучшим практикующим!

– А что, если я не хочу быть ни колодезником, ни практикующим? В империи, дядя, я мог бы стать адептом! Я мог бы ходить среди облаков и птиц. Я мог бы увидеть мир, узнать людей с другим цветом кожи...

– За спину себе посмотри, – мужчина кивнул в сторону Хаджара. Тот сделал вид, что не заметил. – Видишь, под нашим солнцем разница в цвете кожи почти не заметна. Этот лидусец уже совсем почти как мы.

Хаджар действительно весьма сильно загорел за прошедшие месяцы. Впрочем, даже это не могло скрыть от местных его происхождения. То, с какой скоростью они определяли в нем гражданина Лидуса – поражало и иногда пугало.

– Признайся, Шакх, ты просто хочешь сбежать от отца. От матери. От сестер. Ты думаешь, что в империи сможешь завоевать себе свободу, но это не так. Даже если ты переживешь наше путешествие через Море Песка, тебя погубит Дарнас. Его бесконечная борьба.

– Я сильный, дядя. – Теперь в глазах юноши горел уже не гнев, но решимость. – Самостоятельно, без поддержки отца, я к двенадцати годам добрался до стадии формирования! Сейчас, в семнадцать, я лучший практикующий в городе, и ты это знаешь.

Мужчина кивнул и впервые за все время разговора поставил пиалу на стол.

– Знаю, Шакх. Никто в городе не может справиться с твоей техникой. А основа твоей трансформации смертной оболочки так же крепка, как Зуб Бога.

Хаджар не понял сравнения с Зубом Бога, но решил, что конкретно к зубам это не имеет никакого отношения. Все же спасибо Южному Ветру и нейросети за то, что юный принц знал достаточное количество языков.

Кстати, тот факт, что он мог спокойно понимать и изъясняться на языке Моря Песка, говорил о том, что функции нейросети начинали потихоньку восстанавливаться.

– Именно поэтому, дядя, я прошу взять меня с собой в путешествие. Ты знаешь, мои кинжалы быстры, как Рух, а техника сильна, как предрассветная буря.

– А речи сладки, как патока, – засмеялся мужчина. – Стоит мне взять тебя с собой, и многим в караване придется прятать своих жен и, что вероятнее, дочерей.

Шакх зарделся, но взгляд его был все так же крепок.

– Ты начальник охраны, дядя, и я не стану унижаться, чтобы просить тебя взять меня с собой только по факту нашего родства. Дай мне лишь возможность поучаствовать в отборе охранников. Это все, о чем я прошу.

Шакх склонился в глубоком поклоне. Насколько это вообще возможно было сделать, учитывая, что он продолжал сидеть за столом.

Мужчина, на деле являвшийся главой охраны крупнейшего каравана на ближайшие города, некоторое время думал. Потом, махнув рукой, он положил на стол несколько квадратных монет.

– Если мне придется ехать к брату с твоим трупом, я прокляну твою душу.

Шакх улыбнулся.

Парочка поднялась, сделала пару комплиментов уставшей официантке и вышла за циновку, заменявшую чайной дверь.

Хаджар спокойно допил свой напиток, поправил простецкий меч в ножнах и отправился следом. У него, как и Шакха, не было денег на то, чтобы купить место в караване вельмож. Зато у него был меч, чтобы не только добраться до империи, но и заработать на этом.

Все же Лидус Хаджар покинул не самым богатым человеком. О чем весьма красноречиво говорили его простецкие сандалии. Штаны из плотной коричневой ткани, распахнутая на груди белая рубашка, кожаная жилетка, наручи с письменами, синий шелковый шарф на шее и оранжевая ткань, которой он замотал голову чуть выше бровей.

Без последней детали гардероба ему каждое утро приходило вытряхивать из волос целые барханы песка. Отчего постоянно зудела кожа. Настолько, что первые недели Хаджар расчесывал ее до крови.

Но все это мелочи, ведь его путь продолжался.

Ну или только начинался.

Это как посмотреть.

– Миледи, – улыбнулся Хаджар официантке.

Та его не поняла. Не знала лидусский. Но даже одно слово, произнесенное на родном языке, сильно поднимало настроение Хаджару. Прежде он никогда бы не подумал, что хранит в своем сердце нотку сентиментальности.

Глава 257

Переместив шарф с шеи на голову, Хаджар пошел следом за караванщиком и его племянником. За информацию о том, в каком приграничном к Морю Песка городе можно найти лучший караван, Хаджар отдал едва ли не последние деньги. Оказалось, что путешествие – это не только увлекательное и целебное для души мероприятие, но еще и весьма затратное.

Взять хотя бы меч, с которым сейчас ходил Хаджар, за него ему пришлось в самом начале пути выложить весьма приличную сумму. На такую в Лидусе можно было купить неплохую ферму, да еще и на рабочих бы осталось.

Горячий песок попадал через сандалии на кожу, оставляя на ней небольшие точки мелких ожогов. За прошедшие месяцы Хаджар привык к этому ощущению, да и ранки заживали очень быстро. Все же техника укрепления плоти – это не просто какая-то детская забава.

Ходили легенды, что мастера подобных техник уже на уровне Небесного солдата могли спокойно выдержать прямое попадание стрелы, выпущенной всего с двадцати шагов. И ни единой царапины не осталось бы на их коже.

Скрываясь среди редких прохожих, прячась за коврами и шелками, вывешенными на базаре, Хаджар шел следом за парочкой. В это время он смотрел на смуглокожих, низкорослых, но плечистых людей.

Местные жители весьма сильно отличались от балиумцев или лидусцев. Они скорее походили на кочевников, только с другой формой лица и разрезом глаз. А еще они любили много говорить, пить и предаваться плотским утехам. Секс здесь был настолько свободным, насколько только можно себе представить.

Возможно, именно поэтому Сера так легко сошлась с Неро...

Едва не споткнувшись, Хаджар похлопал по кошельку с браслетами погибших друзей. Слегка грустно улыбнувшись, он отогнал из мыслей образы двух товарищей, а из сердца потихоньку ушла острая боль. Все же путешествие действительно лечило его душу. Пусть и оставляя уродливые рубцы...

– Всего три монеты для такого красавчика, – жарко шепнули на ухо.

Хаджар повернулся на голос и увидел девушку весьма приятной наружности, но с цепким и холодным взглядом. Она как бы невзначай приобнажила весьма соблазнительное бедро и уперлась пышной грудью ему в плечо.

– Боюсь, могу предложить только рваный сандаль, – хмыкнул Хаджар.

Девушка тут же утратила к нему всякий интерес и уже начала выцеливать следующего «счастливчика». Ничего удивительного в работе шлюх днем в Море Песка не было. Но Хаджар все еще не мог привыкнуть к тому, что даже от этой девушки веяло аурой практикующей. Пусть и слабенькой, может, не выше пятой ступени Телесных узлов, но тем не менее...

А уж про настоящих практикующих стадии формирования и выше и говорить не приходилось. Их здесь было столько, что Хаджар сперва даже не мог поверить, что находится не в военном гарнизоне.

Демоны и боги! Да в лучшие времена Лунной армии в ее составе не насчитывалось столько сильных практикующих, сколько ходило по улицам Города Трех Подков. Страшно было представить, что творилось в городах Моря Песка, а еще страшнее – в самой империи.

За годы войн в Лидусе Хаджар как-то привык к ощущению силы в своих руках и уверенности в своем мече. Теперь же... Нет, он не был слабаком для местных. И многие воины, встретившись с ним взглядом, старались поскорее исчезнуть из зоны видимости. Но все чаще встречались те, кто как бы невзначай опускали ладони на рукояти.

Они не просто не боялись Хаджара, а были готовы в любой момент скрестить с ним клинки, дабы определить сильнейшего.

Признаться, Хаджара это только радовало. Цели, которую он нашел на дне дворцового озера, можно было достичь, только обладая немислимой, легендарной силой. Да какое там легендарной – ни один из героев сказок Южного Ветра так никогда и не отыскал богов...

Так что Хаджар собирался стать сильнее. Сильнее, чем любой человек, существо, демон или монстр, когда либо жившие в этом огромном мире.

Свернув за очередной таверной, Хаджар оказался у забора, отделявшего от основной части города небольшой плац. Ну или как у местных называлась ровная, прямоугольная площадка, на которой собралось несколько десятков воинов.

Среди них оказался и юноша Шахх, а вперед вышел его дядя. Сейчас он выглядел куда как более грозным, нежели совсем недавно в чайной. Его острая борода буквально походила на наконечник копья, а из глаз летели невидимые стрелы.

Хаджар, смотря на начальника охраны, мысленно спрашивал себя – а выжил ли бы он в схватке с ним. Все же что-то ему подсказывало, что этот воин уровня Небесного солдата пережил достаточное количество врагов, чтобы без страха смотреть в лицо любой угрозе.

Да, все верно, «простой» глава охраны местного каравана находился на стадии Небесного солдата. И он был далеко не первым адептом, которого Хаджар встретил на своем пути за столь краткий срок путешествия к империи.

Нет, их было не так уж и много... если сравнивать с пресловутой империей. А если с Лидусом – то небо и земля. За два месяца пути дядя Шахха был одиннадцатым адептом, встреченным Хаджаром. В то время как за двадцать пять лет жизни в Лидусе Хаджар повстречал всего трех. И то один из них был балиумским патриархом, а второй – наместником империи.

Хаджар подошел к четверем мускулистым воинам с едва ли не треугольными лицами и густой, черной бородой.

– Пусть море будет жарким для тебя, иностранец, – поприветствовал Хаджара один из охранников.

– И не обманут оазисы, – ответил Хаджар.

Приветствие жителей каждого народа – это первое, что заставил Южный Ветер выучить своего ученика.

– Иди своей дорогой, иностранец. Здесь проходит испытание в охрану каравана шаха Ахараба.

– Моя дорога как раз лежит на это самое испытание.

Охранники переглянулись. Хаджар возвышался над ними едва ли не на полторы головы, но они все равно умудрялись смотреть на него сверху вниз.

– Уверен, иностранец? – Голос у охранника был таким же сухим, как и земля под его ногами. – Никто не повезет твой труп обратно в Лидус, чтобы похоронить рядом с предками.

Хаджар в очередной раз удивился тому, как быстро в нем определили лидусца.

– Насколько мне известно, достопочтенный, участвовать в отборе может любой мужчина или женщина, достигший стадии формирования. Вне зависимости от того, в какой стране они родились или сколько весен оставили за спиной.

Охранник косо улыбнулся, демонстрируя неровный ряд желтых зубов. Не потому что он чем-то болел или не следил за собой, просто пища здесь была настолько сильно пропитана особыми специями, что желтые зубы считались нормой. Желтели они как раз таки именно из-за этих самых специй. Но без них жевать безвкусную курицу или индейку... так и с ума сойти можно.

– Иди, иностранец, – подал голос второй охранник. Он смотрел на Хаджара куда как менее дружелюбно, чем напарник. – От запаха твоих благовоний у меня уже слезится глаза. Если ты простоишь рядом еще немного, твой запах пристанет ко мне и этой ночью моя жена не станет меня любить.

В голубых глазах Хаджара будто бы проснулся дракон. Правда, заметил это лишь один из четырех охранников. Тот самый, который старался говорить вежливо, хотя тоже не питал особой любви к белокожим северянам.

– Твоя жена? Прости меня, достопочтенный, но я оставил ее слишком уставшей, чтобы она смогла любить еще и тебя.

После всех лет бесконечных войн в Лидусе Хаджар частенько оказывался несдержан на язык. Еще пять лет назад он бы не позволил себе такого оскорбления, но кто его осудит за такую слабость?

Теперь уже, пожалуй, никто. Разве что Азрея, переместившаяся, ввиду ее отсутствия на привычном месте, из-за пазухи в недра «тюрбана» Хаджара.

– Вспоминай имена предков, иностранец!

Охранник потянулся к палашу, но так и не коснулся тяжелой рукояти. Уже вскоре он закричал от боли, когда невидимый клинок полоснул его по запястью. Алая кровь закапала на песок, а вскоре и на упавшие шаровары охранника.

Остальные воины смотрели на Хаджара, как если бы увидели перед собой монстра. Они чувствовали, что северянин находится на стадии трансформации, но то умение, которое он только что продемонстрировал...

Духи пустыни! Да даже сам Шакар – глава охраны каравана, возможно, не был способен на подобное.

– Проходи, северянин, – с куда большим уважением произнес охранник. – А ты, Зулу, в следующий раз будешь лучше следить за своим языком.

Не обращая внимания на скулеж раненого, лишенного штанов охранника, Хаджар прошел за забор. Он успел как раз к началу речи Шакара – дяди Шакха.

Глава 258

– Все, кто сегодня собрался здесь... – Шакар стоял на небольшом возвышении. Его серые глаза смотрели на несколько десятков претендентов на должность охранника каравана. – Все вы как минимум глупы, а в лучшем случае – смелы.

Сколько раз он вот так же стоял и вглядывался в лица будущих сослуживцев? Сколько из них он похоронил в песчаных волнах. И все же никогда не угасала надежда, что именно в этот раз он подберет тех людей, которые смогут вернуться обратно.

Всего караван, насчитывающий почти тысячу людей и вдвое больше скота, охраняли сто сорок семь воинов. Цифра никогда не менялась и была связана с местными поверьями. Караван шел в империю по длинному, извилистому маршруту.

– Глупы, потому как не решили подождать и накопить денег, чтобы отправиться с дворянами. Даже если бы у вас ушло на это пять лет, вы все равно добрались бы до империи быстрее, чем с нами.

Многими двигало желание попасть в империю, но большинство шли сюда и по другой причине. С вельможами им деньги придется тратить, а здесь можно и заработать. Караван двигался через многие города Моря Песка. Торговля там никогда не угасала, и если не валять дурака, иметь жилку дельца и достаточно храбрости, то можно сколотить за один переход небольшое состояние.

Это если, конечно, получится выжить.

– А смелы, потому что те опасности, с которыми вам придется столкнуться, не ограничатся разбойниками и бедуинами. Песчаные духи и монстры, бури, пустынные грозы, потусторонние твари, аномалии и... – Шакар давно уже отработанным жестом откинул полог кафтана, демонстрируя страшный шрам на правом бедре. Собственно, от самого-то берда у него мало что осталось. – Если вам не улыбнется удача, то с последним Повелителем Неба Моря Песка.

Среди претендентов прошла волна шепотков. С детства они слышали легенду о драконе, живущем в горах, находящихся где-то в самых потаенных уголках Моря Песка. Говорят, что он был настолько древним, что помнил те времена, когда здесь действительно плескалось море. Совсем не песчаное.

Мало кто верил Шакару, что шрам оставил действительно дракон. Сам же глава охраны уже которое десятилетие хотел забыть ту ночь, когда обладатель двух янтарных глаз со зрачками-веретенами оставил от огромного каравана лишь его одного.

И именно в этот момент Шакар, обводя взглядом претендентов, заметил северянина. Того самого, что сидел в чайной. Он стоял рядом с Шакхом. Высокий, плечистый, но с фигурой, больше подходящей для бродячего акробата, чем для воина. Но что привлекло и даже несколько... напугало Шакара, это голубые глаза северянина.

В их глубине, где-то там, где у других находится окно в недра души, у него оказался спящий дракон.

Шакар моргнул, и наваждение исчезло. Он вновь видел перед собой обычного иностранца. Лидусца. Такие редко когда переживают первый месяц перехода по Морю Песка. Местное солнце слишком уже жестоко к их обласканной снегом коже.

Снег... Шакар никогда не верил, что с неба может не просто литься вода (дождь он видел трижды), а падать замерзшая вода...

Понавыдумывают сказок для детей...

– Тем не менее, за каждую неделю пути вы будете получать по одной медной имперской монете, – продолжал Шакар.

И вновь волна шепотков. За сто пятьдесят недель пути – это почти шесть серебряных имперских монет. За такие деньги можно купить место в какой-нибудь средней школе боевых искусств. Ну или добрый меч и новые сапоги.

В общем – весьма и весьма приличная сумма.

– Я не стану вас отговаривать. Все вы носите голову на плечах и давно уже мочите губы не в материнском молоке, а в вине. Так что скажу просто – в этом году я возьму с собой только двоих. А это значит, что... – Шакар посчитал количество глаз, смотрящих на него. В этом году желающих оказалось больше обычного. Наверное, это было связано с тем, что в этом десятилетии в империи пройдет очередной Турнир Великих. – Тридцать семь из вас отправятся домой ни с чем.

Хаджар машинально похлопал по кожаному кошельку, висевшему на поясе. Этот жест уже вошел у него в привычку. Привычку, от которой он хотел избавиться, но зачастую даже и не замечал, как часто опускается ладонь на суму, хранящую два браслета.

– Чтобы упростить отбор, я оставлю лишь четверых из вас. Для того чтобы пройти в следующий этап, все, что вам надо сделать, это применить против меня ваш лучший удар.

Шакар скинул с плеч тяжелый кафтан и прыгнул на песок плаца. Оставшиеся легкие одежды открыли его могучие руки. Покрытые многочисленными шрамами, они вызывали практически то же впечатление, что и палаш, обнаженный Небесным солдатом. Они выглядели точно так же, как оружие.

Шакар скинул сандалии, с наслаждением зарываясь пальцами в теплый песок.

Он никогда не был приграничным жителем, и душа всегда манила его туда – на юг, к песку и барханам. Лишь в этом бесконечном царстве смерти, огня и жара он чувствовал себя свободным. Свободным жить так, как он того хочет, и умирать так, как того пожелают боги.

Хаджар слегка изогнул правую бровь. Они ожидал всякого, но только не такого... едва ли не варварского подхода. А еще говорят, что северяне – грязные варвары...

Да, может, в Лидусе никто не «моется» в благовониях и часто едят руками, но уж точно не просят испытуемых сражаться с адептами. Сразу в памяти всплыл экзамен на поступление в армию. Там все казалось логичным и адекватным. В то время как местные обычаи... Но, как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не лезут.

Скрестив руки на груди, Хаджар принялся ждать своей очереди.

Вперед вышел пузатый воин с огромным молотом в руках. Он, будто племенной бык, выдыхал из ноздрей струи пара. Замахнувшись молотом, он оттолкнулся от земли. От прыжка по плацу пошли трещины, а взмывшая туша больше уже не казалась такой неповоротливой.

С мощью пушечного ядра пузан свалился с неба и опустил тяжелый молот на голову Шакара. От удара по воздуху прошли волны, а вскоре раздался сильный хлопок. Многие прикрыли лица ладонями, спасая глаза от земли и песка.

Когда же народ вновь смог нормально видеть, то их лица исказила гримаса смеси удивления, восхищения, ужаса и отчаяния. Огромный молот, способный расколоть крепостную стену, Шакар держал на вытянутой руке так же просто, как недавно пиалу с чаем.

Караванщик лениво шлепнул свободной ладонью по груди пузана. Теперь уже от этого удара по воздуху прошли волны. Намного мощнее, чем от молота. Раздавшийся хлопок был больше похож на далекий удар грома, а сам воин отлетел на десяток метров в сторону, оставляя за собой мостик из крови, вырвавшейся из его глотки.

Прокатившись по земле примерно вдвое больше, он врезался в стену и замер на пару мгновений. Подняться он смог не сразу, а вся правая сторона его груди почернела.

Опираясь на молот, он, кряхтя, поклонился Шакару и тут же рухнул обратно на колени. Сил стоять у него уже не было.

– Кто следующий? – спросил Шакар.

Только теперь Хаджар понял, почему глава охраны выбрал именно такой способ проверки способностей претендентов. Всего одного удара хватило, чтобы примерно четверть сделали шаг назад, демонстрируя, что у них не осталось никакого желания к участию. Еще примерно столько же нерешительно переминались с ноги на ногу.

Оглядевшись, Хаджар пожал плечами и сделал шаг вперед.

– Северянин, – кивнул Шакар. Эта личность интересовала его с самого начала. Неужели Лидусец думал, что начальник охраны каравана не заметит, как примерно месяц его преследуют по всему городу. – Надеюсь, ты успел помолиться своим богам и предкам.

– Достопочтенный Шакар, – поклонился Хаджар, – прошу, обнажите свой меч.

– Северянин, – повторил Шакар, – ни грамма такта и океан самоуверенности. Не задерживай моих соотечественников. Делай свой удар и, если переживешь мой ответ, можешь убираться обратно к своим снегам и горам.

И вновь Шакар вздрогнул, когда в голубых глазах на миг увидел отблеск танцующего дракона.

– Северянин, – протянул Хаджар себе под нос. – Это мне нравится больше, чем Безумный Генерал.

Меч Хаджара покинул ножны с такой скоростью, что кому-то показалось, что Северянин обнажил вовсе не клинок, а стальную молнию. Удар, сорвавшийся с кромки лезвия, принял образ драконьего клыка, разрывающего воздух и оставляющего позади себя призрачный шлейф.

Каждый, кто был хоть немного сведущ в мистериях духа меча, ощутил в этом ударе его частичку.

Ошарашенный Шакар еле успел обнажить палаш и подставить его под выпад Северянина. Сила удара была такова, что караванщика протащило по песку примерно метр, а когда удар рассеялся, то на песок упала капля крови, сорвавшаяся с небольшой царапины на лбу Шакара.

Выпрямившись и опустив палаш, караванщик какое-то время рассматривал стоявшего перед ним воина. Трансформация смертной оболочки – не выше этого. Даже не пробужденный дух. Лидусец выполнил не свою лучшую технику.

– Ты проходишь в следующий этап, Северянин.

Глава 259

Хаджар стоял в центре претендентов. Скрестив руки на груди, он спокойно смотрел на происходящее, полностью игнорируя любопытные и даже испуганные взгляды окружающих.

Следующим после него вышла девушка с кинжалами. Тонкая и изящная, как лоза после дождя, она шла по песку, слегка качая бедрами. Кинжалы выглядели в ее руках острыми клыками готовой к прыжку кошки. Как и на большинстве женщин в Море Песка, одежды на ней было немного.

Коричневые кожаные штаны подчеркивали упругие, круглые бедра. Длинные черные волосы струились по розоватым плечам, лицо закрывала повязка с красным иероглифом дракона. Впрочем, большинство мужчин смотрели вовсе не на лицо девушки, а на плоский живот, тонкую талию и два красноречивых холмика, выступающих из кожаного нагрудника.

Последний элемент гардероба Хаджар бы назвал скорее бюстгальтером, нежели броней. Но за прошедшие месяцы он вообще ни разу не видел, чтобы хоть кто-то здесь носил металл. Оно и понятно. Попробуй поносить доспех под таким солнцем – и концу дня тебе начнут завидовать свежесваренные раки.

– Ильмена, – мечтательно выдохнул стоящий рядом Шакх.

– Достопочтенный Шакар, – поклонилась девушка, – не убирайте, пожалуйста, вашего клинка.

На этот раз караванщик не стал зубоскалить и пререкаться. Напротив, он весьма серьезно воспринял эту молодую девушку, пожалуй, чуть постарше его же племянника.

Ильмена слегка согнула колени, чем заставила сердца окружающих мужчин биться быстрее. Хаджар, как и прочие, не смог сдержать порыва. Слишком много времени прошло с тех пор, как он засыпал не один.

Тут же по клинкам практикующей пробежали искры, превратившиеся в красные молнии. Они сорвались с лезвия, окутывая Ильмену сверкающим покровом из красной паутины молний. Что произошло потом – Хаджар так и не понял.

Он всегда считал своим коньком не силу, а скорость и ловкость. Но то, что продемонстрировала эта пустынная воительница, находилось за гранью понимания Северянина.

Девушка просто исчезла в одном месте и появилась в другом – аккурат за спиной Шакара. Два металлических лязга – свидетельства того, что караванщик сумел отбить удары, донеслись до зрителей лишь несколько позднее. Большинство увидели... ничего. Кто-то заметил красную вспышку.

Хаджар сумел разглядеть, как из молний, крутившихся вокруг воительницы, на пару мгновений сформировались крылья орла.

– Изумительная техника, – в голосе Шакара сквозило восхищение, – до сих пор не понимаю, как Шакх сумел одолеть тебя на городском состязании.

– Спросите у своего племянника. – А вот тон Ильмены, напротив, показывал всю ее неприязнь к юноше.

Хаджар краем взгляда заметил, как сильно это задело юношу. Что ж, чужие сердечные дела мало интересовали Хаджара. На данный момент его единственным интересом было попасть в караван на позиции охранника. Так он мог убить двух зайцев одной стрелой. Попасть в империю, что все же было первоочередной задачей, а также получить шанс побывать в подземном городе.

– Ты проходишь в следующий этап, Ильмена.

После того как Ильмена вернулась обратно, народ заскучал. Смотреть особо было не на что. В попытке получить одобрение Шакара претендент за претендентом выполняли свои лучшие удары. Кто-то уходил после краткой схватки на своих двоих, кого-то уносили.

Один, самый невезучий, не сумел вовремя сгруппироваться и очень неудачно упал на шею. Тогда погонщик подозвал охранников, отдал им мешочек с деньгами и попросил отнести тело родственникам.

При этом ни у кого из присутствующих произошедшее не вызвало ни грамма эмоций. Нрав у пустынных был суровым. К жизни здесь относились очень легко. Наверное, потому что смерть, приносимая песками пустыни, была чем-то естественным, почти привычным.

Наконец вперед вышел лысый парень с шестью красными точками на лбу. Хаджар, как и многие другие, был весьма удивлен появлению островитянина в такой дали от родного моря. Узкий разрез глаз, свистящий акцент и желтоватая кожа, под солнцем ставшая почти ржавой.

В руках островитянин держал деревянный шест, увенчанный тяжелыми металлическими набалдашниками. Низко поклонившись караванщику, он резко прокрутил оружие в руках, создавая иллюзию, будто держит не прямую палку, а огромное колесо. Затем он, что-то воинственно выкрикнув, резко выстрелил жезлом вперед.

С песка словно поднялись и ожили тени. Они соткались в форме пасти разъяренной обезьяны. С диким ревом она пролетела над землей и обрушилась на Шакара в попытке разорвать его плоть и напиться горячей крови.

Хаджар надеялся, что хоть в этот раз пустынному адепту придется использовать свою технику, но, увы. Шакар все так же буднично взмахнул палашом, и пасть обезьяны исчезла с легким шипением.

– Ты проходишь дальше, островитянин.

Лысый молча поклонился, убрал шест за спину и вернулся в строй. Что он, что Ильмена – все они находились на стадии трансформации новой души. При этом Хаджар мог поклясться на могилах предков, что ни один из них не миновал двадцатой зимы.

Мир действительно оказался намного больше, чем казалось с вершины дворцовой башни Лидуса.

И вновь потянулась вереница весьма скучных поединков. Кто-то с мечом, больше – с кинжалами (излюбленное оружие пустынных), были и какие-то серпы-полумесяцы, размноженные кнуты, странные булавы, короткие луки, шипастые рукавицы, кинжалы со странными, тройными и двойными лезвиями.

Такого изобилия разнообразного оружия Хаджар еще не видел. Большую часть он даже не знал, как правильно назвать. Но несмотря на то, что никто из них не смог получить одобрения караванщика, Хаджар был рад возможности понаблюдать за неизвестными ему стилями и техниками.

То, как сражались эти люди, кардинально отличалось от всего, что когда-либо видел Хаджар. Пожалуй, для сравнения он мог взять разве что способности Серы, но та все же являлась ведьмой, а не воином.

– Достопочтенный Шакар, – вперед вышел Шакх.

Дядя молча кивнул племяннику и, к удивлению Хаджара, принял низкую боевую (!) стойку. Еще ни разу за все испытание караванщик не принимал боевой стойки и не показывал всем своим видом, что готов к смертельному сражению.

Этот факт вызвал неподдельный интерес практически у всех оставшихся зрителей. Шакх выступал последним, но те немногие, кому посчастливилось выйти из схватки с Небесным солдатом на своих двоих, не спешили покидать плац. Все не каждый же день у них выдавалась возможность посмотреть на сражение истинного адепта и других практикующих.

Это могло расширить их горизонты, углубить понимание пути развития и помочь в дальнейшем прогрессе.

Шакх на дядин манер выскользнул из сандалий и зарылся пальцами в песок. В этот миг он совсем не выглядел безусым юнцом, каким и являлся на самом деле. Наоборот – перед Хад-

жаром стоял готовый к прыжку молодой тигр. Отрешенный от всего мира, сосредоточенный только на кратком миге битвы и глотке своей добычи.

Кинжалы в его руках вовсе не казались изящными игрушками. Два когтя, жаждущих напиться крови. Вот только Шах направил их вовсе не в сторону дяди, а... вниз – в песок.

Через секунду привычное понимание мира Хаджара вновь треснуло. С кончиков оружия Шакха к песку потянулись тонкие, призрачные нити белой энергии.

Они буквально поднимали вокруг себя песчаные вихри, пока из них не сформировались два еле заметных, но все же диких пустынных пса. Они выли и рычали, низко припадая песчаными мордами к земле. Кинжалы исчезли из рук Шакха, теперь они светились в пасти каждого из псов.

Юноша взмахнул руками и отдал один-единственный приказ:

– Разорвать.

Псы рванули... вниз, в песок. И все стихло. Они будто бы исчезли, и только ощущение, что кто-то приложил к горлу острый клинок, давало понять, что техника была вовсе не обманкой.

А затем с разных сторон Шакара прямо из песка вынырнули псы с кинжалами вместо языков. Первого караванщик рассек надвое, но в том месте, куда ударил палаш, просто появилась полоска воздуха, а затем тело зверя слилось воедино.

Вторая же тварь, двигаясь со скоростью капли в проливном дожде, полоснула по ноге Шакара и вновь нырнула в песчаные недра.

Хаджар смотрел на происходящее и не верил своим глазам.

Не поверил он и тогда, когда на левой ладони Шакара вспыхнул алый символ и вокруг Небесного солдата на краткий миг загорелось алое пламя. Прозвучал жалобный скулеж, и в руках Шакха вновь появились кинжалы.

Сам юноша, тяжело дыша, утирал кровь, выступившую на уголках рта.

– Техника «Дюжины пустынных духов», – с уважением кивнул Шакар. – Теперь я вижу, как ты победил Ильмену. Ты проходишь в следующий этап, Шах. Состязания начнем через пять минут.

Глава 260

За отведенные пять минут трое охранников (тело погибшего испытуемого они убрали под балдахин) расчистили плац и начертили нечто наподобие шестиугольной звезды. Пустынникам этот символ заменял боевой круг, который использовали на севере.

Они верили, что каждый из шести лучей отображал священную боевую технику бога войны Дегера. По легендам народа Моря Песка, любой, кто сможет постичь хоть одну из этих техник, тут же вознесется на уровень бессмертного. Тот же, кто найдет и освоит все шесть техник, и сам станет богом и вступит в легионы Дегера, чтобы плечом к плечу с богом войны сражаться с...

Здесь истории Южного Ветра обрывались. Ученый не знал, с кем должны были вести постоянные сражения боги. Собственно, никто из тех, с кем беседовал Хаджар за время своего путешествия, тоже не знал продолжения легенды.

Все, что их интересовало – что где-то в этом мире существовали шесть техник, изучение которых может сделать их бессмертными. В богов здесь верили с таким же «усердием», как и в Лидусе.

– Северянин, – прозвучало рядом.

Хаджар повернулся. Напротив стояла Ильмена. Такая же горячая, как вытасченный из костра уголек. Кинжалы, слегка сверкая, качались около ее бедер. Хаджару потребовалась пара мгновений, чтобы успокоить сердце и жар, спускающийся чуть ниже пояса.

Подобная заминка не скрылась от женского взора, чем вызвала тонкую, победную улыбку.

Женщины.

Вне зависимости от цвета кожи с определенного возраста у них появляются одинаковые приемы.

– Миледи, – на лидусском поздоровался Хаджар.

Девушка слегка скривилась, и улыбка слетела с ее лица.

– Ваш язык больше похож на собачье рычание. Как вы вообще общаетесь на нем? Духи пустыни и великие звезды, боюсь даже представить ваши песни.

– Ничуть не хуже ваших, – пожал плечами Хаджар.

Ильмена фыркнула.

– Больше, чем бардов, мне жаль ваших женщин. Любовные разговоры на таком грубом языке должны звучать настоящей пыткой.

Хаджар даже не взглядом, а развитым за годы войны чутьем уловил недобрые взгляды, бросаемые в его сторону Шакхом. Не то чтобы Хаджар был самовлюбленным эгоистом, но, видимо, ему порой передавалось вечно игривое настроение Азреи.

Внаглую обхватив Ильмену за талию, он придвинул ее к себе, второй рукой прикрывая перевязь с кинжалами.

– Я не знаю, за что ты хочешь отомстить мальчишке, – прошептал он ей на ухо, что стороны выглядело весьма интимно и горячо, – но лучше оставь меня в покое.

Подтверждая догадку Хаджара, по его щеке поползла бархатная, теплая ладошка. Ильмена прильнула к нему так, будто бы следующим мгновением их тела должны были слиться воедино.

– Только не говори, Северянин, что тебе неприятно.

Ладонь Ильмены поползла дальше, пока не зарылась в тюрбан.

Губы Хаджара сложились в кровожадную усмешку. В следующий момент девушка вскрикнула и отшатнулась. По ее пальцам побежала алая струйка, а из тюрбана Хаджара послышалось довольное, победное рычание.

Азрея терпеть не могла, когда ее трогали люди. Исключения она делала только по просьбе своего двуногого спутника.

– Ильмена! – выкрикнул Шакх.

Он не был так же быстр, как и девушка, но достаточно, чтобы в случае настоящей схватки вызвать у Хаджара интерес. Он оказался рядом быстрее, чем многие смогли различить его первый шаг.

Солнечными лучами засветились кинжалы. Короткий уперся Хаджару в пах, в то время как длинный оказался приставлен к горлу.

– Вспоминай имена предков, Северянин, – прорычал Шакх, чьи глаза буквально почернели от злости. – Ильмена, ты в порядке?

Хаджар стоял спокойно. Не шевеля ни единым мускулом, он наблюдал за происходящим. Почему-то это вызвало легкую тоску в его сердце и толику ностальгии. Глупо было отрицать, что в тени Шакха он пытался найти очертания своего брата. Но чем ярче светило солнце, тем отчетливее Хаджар понимал, что ищет эти очертания не только в тени этого паренька, а за каждым углом и каждым поворотом.

Иногда ему даже казалось, что брат звал его. В шепоте ветра он слышал: «Сумасшедший оборванец...» – и добрый смех.

Увы, это были лишь миражи прошлого, зовущего его обратно. Точно такие же, что порой приносили ему шепот Нээн. Ведьмы, которую Хаджар не смог полюбить. А она, в свою очередь, не смогла остаться человеком и выбрала судьбу зверя.

– Мне не нужна твоя защита, мальчишка, – едва не сплюнула Ильмена, наглядно демонстрируя горячий нрав женщин песка. – Проклятье.

Она сдернула с пояса платок и обмотала им место укуса Азреи. Хаджар знал, что это не поможет. Кровь не остановится в течение ближайшего часа. И неважно, какими техниками тела владела воительница и какие снадобья использовала. Укусы Азреи никогда не заживали в течение первого часа – такая вот странная особенность.

– Грязный варвар! – Шакх дернул кинжалом, стремясь поцарапать мужское естество противника.

Такого унижения Хаджар стерпеть не мог. Он сделал лишь один шаг назад. Незаметный и легкий. Будто бы плывущее по водной глади белое перо, он проскользил в сторону. В Лидусе такой техники хватало, чтобы уйти от удара большинства практикующих.

Шакх оказался быстрее каждого из них.

Его кинжал размазался в воздухе стальной пеленой, а Хаджар ощутил касание холодной стали. Многострадальный правый бок, куда сотни раз приходились удары противников, вновь ожгло вспышкой острой боли. Но в данный момент Хаджара волновало вовсе не это.

С пояса легко соскользнул простой кожаный кошелек, чьи тесемки так некстати перерезал клинок Шакха.

Меч оказался в руках Хаджара быстрее, чем его сознание успело сообщить телу, что то совершает жуткую глупость. Шакх, недавно победно смотрящий на оцарапанного Северянина, вдруг почувствовал, как сердце пропустило удар.

Ему показалось, что на долю секунды мир сузился. Истончился. Уменьшился. И все, что было вокруг – исчезло, оставив после себя лишь два ясных голубых глаза и пляшущего в них дракона.

От Северянина повеяло нечеловеческой, звериной яростью. Как если бы Шакх по незнанию убил бы звереныша песчаного тигра и встретился лицом к лицу с безутешной матерью. В такой схватке исход может быть только один – кто-то должен умереть.

Меч Хаджара обрушился на голову Шакха быстрее, чем юноша успел понять, что происходит. Сила удара была такова, что в воздухе позади остались две белые полосы, а по земле плаца протянулись длинные вереницы трещин и порезов.

Прозвучал гулкий металлический звон, а затем земля задрожала. В небо выстрелили каменные клыки.

Шакар, заметивший, как стремительно накалялась обстановка, успел как раз вовремя. Он встретил удар Северянина жестким блоком своего палаша. Вот только та сила, что была заключена в простом ударе, потрясла воображение.

Шакар сходил в тысячах битв с практикующими, десятки раз сражался с равными себе по силе истинными адептами. Но еще никто не мог заставить его руки дрожать. Не от страха. Вовсе нет. А от того, что они оказались еле-еле способны сдержать давление, вызванное всего лишь одним взмахом клинка.

Небесный солдат стоял по щиколотку в небольшом овраге, по краям которого поднимались каменные шипы. Его буквально вбил в землю удар противника. Придись такой по простому практикующему, а не адепту, и того рассекло бы так же легко, как сухое полено.

Сияние из глаз Хаджара ушло так же быстро, как и появилось. Дыхание выровнялось, и дракон внутри вновь заснул.

Убрав меч в ножны, Хаджар наклонился и бережно поднял отсеченный кошель.

– Прошу прощения, достопочтенный Шакар, – поклонился Хаджар после того, как привязал кошелек обратно.

– Ничего страшного, Северянин. – Ошарашенный Шакар сумел взять себя в руки и так же спокойно убрал палаш. – Наше солнце всегда немного странно действует на ваш народ.

– И ты прости, мальчик, – бросил Хаджар в сторону Шакха.

С этими словами он развернулся и пошел в другую сторону плаца. Все это время островитянин, делая вид, что спит, внимательно наблюдал за происходящим, что не могло укрыться от взгляда Хаджара, и если бы он мог выбирать противника, то точно хотел бы избежать столкновения с этим лысым.

– Мальчик, – усмехнулась Ильмена и, нарочно взмахнув волосами так, чтобы задеть Шакха, отправилась вслед за Хаджаром.

– Да что он себе позвол...

Шакар положил ладонь на плечо племянника.

– Великие звезды, племянник, если ты сойдешься с ним в битве, то один из вас умрет.

– Он ниже меня на две стадии пути развития!

– Возможно, – кивнул Шакар, – возможно. Но я слышал истории о том, что в Лидусе появился мечник, еще до ступени истинного адепта почти достигший владения мечом.

– Сказки простого люда, – отмахнулся Шакх.

– Возможно, – задумчиво протянул Шакар. – Возможно...

Недавно от приезжих из Лидуса бардов он услышал песню о Безумном Генерале, чей меч был настолько же опасен, насколько только может быть опасен молодой разъяренный дракон.

Видят боги, Шакар надеялся, что это простое совпадение...

Глава 261

Убедившись в том, что плац готов к предстоящему сражению, а зрители не помешают в битве, Шакар вышел в центр. Он поднял с земли заранее заготовленный кожаный мешок и опустил в него четыре парные плашки с двумя одинаковыми иероглифами.

– Подходите по очереди, – пояснял караванщик. – Те, у кого окажутся парные плашки, сойдутся в честном поединке до сдачи. Первым выйдет пара с иероглифом сокола, вторая – с иероглифом змеи.

Хаджар, не отличающийся в последнее время особым терпением, тут же сделал шаг вперед. Под внимательными взглядами пустынников он подошел к мешку и, смотря в глаза Шакару, запустил руку внутрь. Через мгновение Хаджар продемонстрировал плашку «Змеи».

– Как насчет небольшого танца, Северянин? – горячо улыбнулась Ильмена.

То, как она шла к Шакару, как качались ее крепкие бедра и как блестели браслеты на лодыжках... Боги и демоны, в такие моменты Хаджар начинал понимать, почему Неро так часто предостерегал его от длительного воздержания.

Хаджар не видел, какую плашку вытащила Ильмена. Он, прикрыв глаза, погрузился в медитацию, дабы успокоить свое сердце и животные инстинкты. В битве, какой бы «игрушечной» она ни была, ему требовались холодный разум и твердая рука. А не нечто иное, но тоже твердое.

Судя по разочарованному выдоху толпы, Ильмена вытащила плашку сокола.

– Тебе повезло, Северянин. – Слова пустынницы лишь подтвердили предположение Хаджара.

Следующим за жребием отправился житель островов. Как Хаджар понял это с закрытыми глазами? Несмотря на всю отточенность техники, Шахх специализировался вовсе не на «ногах», а на «кинжалах». И его движения по песку Хаджар бы точно услышал или хотя бы почувствовал. Островитянин же перемещался так же легко, как пенный барашек по волне.

Хаджар, не используя зрения, не мог определить местонахождение странного воина с посохом. Это несколько нервировало, потому как еще никто, даже наместник империи, не мог настолько хорошо скрывать присутствие от чутья Хаджара. Так что тот был весьма рад, услышав разочарованный вздох толпы и ощутив легкое напряжение, исходящее от Ильмены.

– Пары определены! – огласил Шакар, щелчком пальцев кидая Шахху плашку со змеей.

И если сам юноша был рад такому «везению» и с предвкушением смотрел в будущее, то вот караванщик слегка нервно переводил взгляд с племянника на Северянина. Тот стоял в отдалении, закрыв глаза и ровно дыша, он явно пребывал в поверхностной медитации.

– Прошу на арену первую пару.

По старой традиции Шакар обнажил свой палаш и воткнул его в центр пятиконечной звезды.

Хаджар открыл глаза. Он не собирался пропустить ни единого момента предстоящей битвы. Ни одно движение воительницы и островитянина не должно было ускользнуть от его взора. Возможно, в будущем от этого могла зависеть его жизнь. Как никогда прежде, сейчас он явственно ощущал, насколько неглубоки и неполны были знания Балиума и Лидуса о пути развития.

Хаджар ощущал себя выброшенным из гнезда птенцом, прежде считавшим, что мир ограничивается лишь веткой дерева. А теперь увидевшего, что вокруг помимо ветви стоят сотни других деревьев.

Лысый островитянин оказался в центре арены первым. Он выглядел спокойно, и только надувшиеся на руках жилы свидетельствовали о том, что он воспринимает противницу всерьез.

Сама же Ильмена, продолжая откровенно качать бедрами, намеренно делала вид, что ей безразлично происходящее. Несмотря на немалую силу и сумасшедшую технику, ей явно не хватало опыта настоящих сражений. Чего нельзя было сказать об островитянине.

– Приступайте, и да будут великие звезды к вам благосклонны.

Шакар дал отмашку и отошел в сторону.

Какое-то время противники стояли неподвижно. Они смотрели друг на друга, изучали, а в этот момент в их разуме кипела битва. Сотни раз они сходились с «тенью» своего оппонента, пытаясь найти малейшую брешь в защите последнего. Хаджару хорошо был знаком такой стиль начала боя – в юности он тоже этим увлекался, пока не понял, что как ни старайся, а случайность в битве не предугадаешь.

Первым сделал свой ход островитянин. Он, будто пародируя Шака, воткнул посох в тень на песке. Тут же та взбурлила кипящей водой и будто исторгла очередную мазутную пасть обезьяны. Несмотря на наличие острых клыков, она больше напоминала череду стремительных ударов посоха, нежели колющий выпад копья.

Ильмена, криво улыбнувшись, что-то прошептала, и вокруг нее вновь вспыхнула сеть молний. Хаджар снова успел различить лишь очертания орлиных крыльев, как девушка уже оказалась за спиной лысого. Ее кинжалы вспыхнули алым паром – будто легким воспоминанием о недавнем пожаре.

Со свистом они вонзились в спину островитянина... чтобы тут же погаснуть, увязнув в жидкой тени. Ильмену будто бы засасывала вертикальная мазутная лужа, в то время как островитянин внезапно выскочил из пасти обезьяны. И именно этот трюк поразил Хаджара даже больше, чем техника Ильмены.

Боги и демоны! Что здесь происходило! Хаджар не то что понять, а даже представить не мог, как подобное было возможно. По сравнению с увиденным, его техника перемещения «Десяти воронов» выглядела детским садом!

– Скалистый берег! – выкрикнул островитянин.

Он ударил посохом плашмя, направляя удар прямо в темечко застрявшей в ловушке Ильмены. Вот только у зрителей возникло впечатление, что вместо посоха в сторону воительницы полетели брошенные гигантом скалы, наточенные столетней борьбой с яростью прибоем.

Хаджар же увидел, как за одно мгновение островитянин успел сделать около десятка стремительных выпадов. Настолько быстрых, что, несмотря на простой металлический набалдашник, их пронзающая сила была ничуть не меньше, а то и больше, чем у осадного копья. Попади хоть один такой выпад по незащищенному броней телу – сквозное отверстие обеспечено.

– Сдаюсь! – в панике выкрикнула Ильмена.

В ту же секунду островитянин, зарывав раненым зверем, усилием перенаправил удар в землю. Град выпадов обрушился в метре от воительницы, превращая песок плаца в поле после длительного артиллерийского обстрела. Легко было представить, чтобы произошло с девушкой, не решилась она сдать поединка.

Приземлившись на ноги, лысый заложил посох за спину и низко поклонился, приставив выставленную ребром ладонь к груди. Исчезла его теневая ловушка, освобождая упавшую на колени Ильмену.

Тяжело дыша скорее от испуга, нежели от усталости, девушка поднялась на ноги и тоже низко поклонилась. Когда она шла обратно – никто и не думал над ней подтрунивать или смеяться. Каждый понимал, что в подобной ситуации, скорее всего, не смог бы обогнать даже первую технику островитянина, не то что избежать второй.

Хаджар и сам осознавал, что в бою с лысым произойти могло все что угодно, и видят боги, не факт, что победителем вышел бы именно сам Хаджар.

– Надеюсь, во время медитации ты вспомнил все имена, Северянин, – улыбался Шакх, на манер балаганного акробата играющий с кинжалами.

Охранники уже расчищали плац для следующего сражения. Шакар о чем-то беседовал с островитянином. Тот плохо понимал местный язык, так что некоторое время им пришлось искать то наречие, на котором было бы удобно изъясняться обоим. Благо любой уважающий себя практикующий умел говорить как минимум на трех языках.

При наличии нейросети Хаджар смог бы изъясняться на двадцати шести. Читать на сорока. Увы, в нынешней ситуации способности ограничивались пятью.

– Не знаю, чем ты так насолил этой леди. – «Леди» Хаджар намеренно произнес на лидусском. Это слово звучало похоже на местное обозначение для «девушки, с которой был бы не прочь переспать». Шакх, услышав «знакомое» слово, сбился в игре с кинжалами и посмурнел. – Но мой тебе, мальчик, совет. Забудь о ней. Ильмене, кажется, нравятся постарше.

С этими словами Хаджар, надменно улыбнувшись, шагнул на подготовленную арену. Не то чтобы за пару месяцев путешествия он перенял манеры не лучших представителей аристократии своей родины.

Нет, вовсе нет.

У него, как и всегда, был план. План, по которому Шакх должен был выйти из себя и продемонстрировать всю полноту техники. Ибо, будь проклят Хаджар и его предки, если то, что сотворил мальчишка с кинжалами, вообще являлось «оружейной техникой». Потому что Хаджар не чувствовал в ней духа кинжалов. Вообще – никаких духов!

Это была проклятая магия!

И Хаджар собирался выяснить, каким образом Шакх использовал ее с оружием.

Глава 262

Хаджар встал по центру арены – вплотную к палашу Шакара. Подобный жест для местных расценивался как самоуверенность, граничащая с бахвальством. Естественно, это не могло не задеть «нежных чувств» юного мальчишки.

Пока тот, пытаясь, разматывал тюрбан и сдергивал с себя кафтан с жилетом, демонстрируя готовность к кровавой битве, Хаджар мысленно дал себе оплеуху.

Как много времени прошло с тех пор, когда и он был в точно таком же возрасте. Да и чего уж там – сам по себе Шакха по веснам он обошел не больше чем на шесть, может, восемь. Но тем не менее, никак кроме «мальчишки» Хаджар его не воспринимал.

– Я жду от вас честной битвы, – суровым тоном произнес Шакар, обращаясь одновременно и к иностранцу, и к племяннику.

По Небесному солдату было видно, насколько сильно он переживал. Увы, вовсе не за Хаджара. Легкий укол одиночества был свидетельством того, что это слегка задело сентиментальность. Тут же в макушку Хаджара довольно ощутимо вонзились кошачьи когти.

– Ладно, ладно, – улыбнулся Хаджар.

По примеру Шакха он вылез из сандалий, разматывал тюрбан и снял с головы, к всеобщему удивлению, белого котенка. Тот, оказавшись на песке, недовольно зашипел и тут же спрятался в красно-синих тканях тюрбана.

По сравнению с натренированным телом Шакха, где были прорисованы все группы мышц настолько отчетливо, что позавидовала бы иная скульптура опытного ремесленника, Хаджар выглядел несколько более... реалистично. Нет, в рельефности ему нельзя было отказать, но не такой показной, как у Шакха. Да и к тому же очень сложно было красоваться телом, на котором живого места от шрамов не было.

– Мой учитель говорит, что чем больше у воина шрамов, тем хуже он как воин, – зубоскалил Шакх. – Настоящий воин позволяет касаться своей кожи лишь любовнице!

– Ну, твоей-то явно никто, кроме матери, еще не трогал, – легко парировал Хаджар.

Шакх зарделся настолько отчетливо, что стало очевидно – ответный укол Хаджара попал в точку. Уверенность мальчишки добил неприкрытый смех Ильмены, пришедшей в себя после сражения.

– Приступайте, и да будут великие звезды к вам благосклонны, – повторил церемониальную фразу Шакар.

В ту же секунду в руках Шакха очутились два кинжала. Вновь, как и в прошлый раз, по ним заструилась белая энергия. Она коснулась песка, и из двух вихрей выскочили песчаные псы. Опять каким-то чудесным образом испарилось оружие молодого воина, обернувшись сверкающими стальными языками псов.

Хаджар внимательно следил за потоками энергии Шакха, но не чувствовал в них ни единого намека на секрет техники. А юноша продолжал водить руками, будто опытный кукловод на представлении.

Он вытянул вперед правую ладонь и отдал короткий приказ:

– Разорвать!

Псы завывали и нырнули в песок. Со стороны за этим было весьма чудно наблюдать, а вот оказаться один на один против безумной техники... Что же, видимо, не зря долгие годы Хаджар носил прозвище Безумного Генерала.

Его губы искажила предвкушающая, почти сумасшедшая и совсем не человеческая усмешка. Кому-то из зрителей и вовсе показалось, что в качестве противника племяннику караванщика достался не человек, а зверь. Жаждающий битвы монстр, натянувший людскую шкуру.

Хаджар выставил перед собой безымянный, но добрый клинок. Он внимательно следил за песком вокруг себя, чувствуя, как где-то в его недрах кружат голодные псы. Но сколько бы Хаджар ни старался, а не мог определить, откуда именно они выпрыгнут.

На одних лишь инстинктах он сделал стремительный секущий удар вправо. С лезвия сорвался серп, оставивший на стене в тридцати шагах глубокую борозду. Пес, рассеченный надвое, завыл, но в ту же секунду он вновь слился воедино и рухнул в песок.

Хаджар зарывал не хуже того самого пса, когда правое бедро ожгла острая вспышка боли. Из земли рядом с ногой вынырнула одна из тварей и впилась песчаными клыками, а затем полоснула кинжалом.

Не успел Хаджар нанести ей удар, как она опять исчезла в песке.

Шакх все время руководил руками, будто управляя движениями тварей. Но если бы это было так – Хаджар бы ощущал потоки энергии, срывающейся с его пальцев. Но такого не было.

Решив проверить догадку, Хаджар принял первую стойку техники «Меча легкого бриза».
– Крепчающий ветер, – тихо прошептал Хаджар.

Не то чтобы ему требовалось произносить название техники вслух, но это помогало лучше сконцентрироваться. Хаджар взмахнул мечом, отправляя в полет волну режущего ветра, внутри которой танцевали клинки и плыл еле заметный глазу дракон.

Удар такой силы вызвал у многих зрителей инстинктивное желание обнажить оружие, но Шакх и бровью не повел. Он взмахнул руками, и в ту же секунду два пса, вынырнув перед ним, сформировали песчаную стену, о которую и разбилась волна Хаджара.

– Какого...

Хаджар не успел договорить, так как уже вскоре ему пришлось отбиваться от вынырывающих из песка тварей. Он фехтовал со скоростью, с какой не мог бы сравниться никто из присутствующих, кроме разве что Шакара. Но этого не хватало, чтобы обогнать «песчаных псов».

Все больше и больше порезов появлялось на теле Хаджара. Кровь лилась по его побронзовевшей коже. Раны щипало от соленого пота.

Хаджар смог бы понять, если бы Шакх увернулся, если бы разбил технику, рассек надвое, но впервые кто-либо вот так вот просто заблокировал «крепчающий ветер».

Поймав в ритме «песчаных псов» небольшую заминку, Хаджар принял уже другую стойку.

Глубоко вдохнув, он призвал едва ли не половину запаса энергии.

– Весенний ветер! – на этот раз с его уст сорвался не шепот, а крик.

Удар, содержащий в себе мистерии духа меча и многократно усиленный стойкой «весеннего ветра», предстал в образе разъяренного дракона, танцующего на лезвии яркого, огромного клинка. И несмотря на свои размеры, клинок этот был быстрее последнего дня весны.

Шакх, как и в прошлый раз, попытался сформировать перед собой стену, но не успел выполнить технику до конца. В итоге клинок не нашел своей цели – отклоненный краем стены в сторону, он все же задел плечо Шакха.

Оставляя за собой алый мост из крови, он пролетел не меньше сорока шагов, пока начисто не срубил крышу стоявшего рядом дома. Благо, что постройка была давно заброшенной и нежилой. Но тем не менее подобный удар впечатлил уже не только зрителей, но и Шакара.

Караванщик лучше других осознавал, что для простого практикующего это не просто высокий уровень. Совершить такое до стадии истинного адепта... Неужели, Великие Звезды, на его голову свалилась живая легенда Лидуса?

Шакх, скривившись от боли, тут же сорвал с пояса полосу ткани и замотал ей плечо. Разгоряченный битвой, он не заметил последствий удара своего оппонента. С удвоенной силой он вернулся в сражение. Его псы превратились в миниатюрную песчаную бурю, а клинки мелькали с такой скоростью, что создавалось впечатление, будто их не два, а двадцать.

Хаджар фехтовал настолько быстро, насколько только был способен. Он буквально создал вокруг себя сферу из стали. Раз за разом он отбивал неожиданные атаки, посылаемые с самых неочевидных углов и направлений. И каждый раз ему приходилось действовать на одних лишь реакции и инстинктах, потому как почувствовать или предугадать следующий удар было невозможно.

Хаджар уже не мог следить за движениями Шакха. Если изначально он собирался попробовать технику «на зуб», то теперь пытался сохранить в целости собственные, весьма не метафоричны зубы.

То, что происходило, разжигало в нем азарт воина. Он прекрасно осознавал, что ни демона не понимал в этом стиле. Меньше всего он походил на честный оружейный поединок и больше всего – на техники Серы и Нээн.

Наконец, когда очередной пес не просто порезал кожу, а вонзил клинок весьма глубоко в левое плечо, Хаджар решил, что пришло время заканчивать. Видимо, не так просто будет осознать тайну этой техники и стиля сражения пустынников.

Где-то глубоко внутри Хаджар нащупал, ощутил, увидел – он пока не мог подобрать этому чувству нужное слово. Так или иначе, он словно мысленно взял в руки «меч». Не тот, металлический, звенящий о кинжалы в песке, а внутренний. Тень от тени духа меча, сокрытого в мировой реке.

Мысленно Хаджар приложил этот «меч» к простому – металлическому. А затем сделал один-единственный взмах. Этот простой удар, не подкрепленный никакой техникой, выглядел как легкая полоска ветра, летящая в сторону Шакха. Вот только силы было в ней столько, что она развеяла песчаную бурю и потянула ее за собой единым, коричневым шлейфом.

У многих зрителей сердце пропустило удар.

Ильмена схватилась за кинжалы, а островитянин выставил перед собой посох.

Шакху же показалось, что к нему летит вовсе не удар меча, а спрятанный в ветре разъяренный дракон. Он тут же воздвиг перед собой самую плотную и тяжелую песчаную стену, на которую только был способен, но еще до столкновения было понятно – ее не хватит, чтобы остановить удар.

Внезапно на арене будто вспыхнуло небольшое солнце.

Шакар, держа перед собой окутанный золотым сиянием палаш, встретил удар Северянина. Полоса ветра ударила в скалу из золотого солнечного сияния. Что мог сделать простой практикующий лучшей защитной технике Шакара? Пожалуй – ничего.

Но в ту же секунду, как сформировалась золотая скала, укрывшая погонщика и его пленника, Шакар ощутил, как в полоске ветра рвется наружу нечто настолько острое, что было способно рассечь не только технику золотой скалы, но и саму гору.

В последний момент Шакар развернул палаш и вместо того, чтобы заблокировать удар – парировал его все тем же золотым сиянием.

Удар, растерявший добрую часть силы и скорость, пролетел еще не меньше пятидесяти шагов, пока не истаял в воздухе.

– Дядя, – начал было Шакх, но не договорил, наткнувшись на осуждающий взгляд Шакара.

– Северянин победил, – прозвучал непреклонный вердикт.

В последнем, несмотря на то что на Хаджаре живого места от крови и порезов не было, никто не сомневался. Каждый из зрителей в последнем ударе иностранца увидел кусочек собственной смерти.

Глава 263

Шакар убрал палаш в ножны и повернулся к Хаджару и островитянину. В глазах караванщика не было особой радости. Несмотря на то что в этот раз ему удалось заполучить в охрану двух весьма крепких ребят, он все же ощущал, как подвел племянника. На Шакха в этот момент было страшно смотреть.

Казалось, у мальчишки вся жизнь рухнула в одночасье. Да и Ильмена выглядела не лучше. Видимо, если что и объединяло этих двух, так это желание сбежать из родного города и отправиться в опасное путешествие.

– Завтра на рассвете я буду ждать вас у южных городских ворот, – сухо произнес Шакар, – не опаздывайте.

Подняв с песка кафтан и повязав на волосы тюрбан, адепт забрал с собой племянника, и те удалились в сторону ближайшего кабака. Вернее того, что в Лидусе являлось бы кабаком, а здесь называлось так заумно, что у Хаджара язык не поворачивался произнести.

Следом ушла Ильмена, напоследок бросив в сторону Хаджара полупечальный, полузаинтересованный взгляд. Хаджар же, вздохнув, почесал дрыхнувшую Азрею за ухом, оделся и отправился в противоположную от Шакха и Шакара сторону. Не то чтобы он их избегал, но считал, что достаточно потрепал нервы мальчишке.

Причем, как оказалось – зря. Понять суть техники он так и не смог, так что понапрасну испортил отношения с караванщиком (тот явно дорожит племянником) и впустую проливал свою кровь.

– Проклятье, – вздохнул Хаджар.

Зрители тоже постепенно расходились. Некоторые, кто поцелее, помогали охранникам нести тело к отчему дому. Делалось это буднично и практически безэмоционально. Все же менталитет здесь сильно отличался. Но Хаджар уже почти привык. Можно было даже сказать, что здесь ему было проще, чем на родине.

Ну или просто чувство вины не могло догнать Хаджара, заплутав где-то среди скал и песчаников.

На город уже опускались сумерки. Хаджар слегка поежился под холодным северным ветром. Такая вот особенность пустыни – днем можно умереть от жары, а как спрячется солнце – от холода. Ну или от когтей мириад тварей, обитавших на бескрайних просторах Моря Песка.

Что удивительно, именно с приходом мороза оживлялись улицы приграничного города. Зажигались огни, на базаре начиналась торговля, слышались отголоски чьих-то гулянок в чайных и кабаках. Играли музыканты, кружились в танце бронзовокожие красавицы и сверкали на их лодыжках тяжелые, золотые браслеты. Их звон весьма мелодично вливался в общую симфонию.

Подойдя к двери кабака (плотной циновке, повешенной на уже давно проржавевшие гвозди), Хаджар резко обернулся. Кроме пробегающих рядом детей со сверкающими огоньками и томно улыбающихся девушек, никого больше не было. Но развитое за годы службы чутье подсказывало бывшему генералу – в кабак он пришел не один.

Внутри было не так уж много народа. Это заведение стояло на отшибе, пользовалось дурной славой. У местных было не принято привечать иностранцев. Мол, пришел белокожий, ну и пусть идет себе дальше – ищет смерть среди песчаных волн. Если кто задерживался дольше, чем на день – сразу косо смотрели. А в кабаке «Песчаный Прибой» почти только иностранцы и сидели.

Да и убранство здесь было более... родным. Северным, что ли. Обычные стулья, нормальные столы. Не дубовые, конечно, но тоже крепкие. Вместо чая и различных вин – крепленая брага и медовуха. Откуда они ее брали – не знал, наверное, даже сам бог пьянств и праздников.

Усевшись за столик в отдалении и кивнув нескольким наемникам (от них Хаджар и узнал про караван), заказал порцию жареной рыбы и две пинты браги. На большее у Хаджара просто не было денег. Благо, что на его уровне практикующего еда требовалась не так уж часто.

Заказ принесла девушка из тех, которым среди местных приходилось тяжелее всего. Смесь. Отец ее заправлял заведением, а вот мать была из балиумских бродячих артистов. Рыжий цвет волос, синие глаза и бронзовая кожа – взрывное сочетание.

– Твой заказ. Поставить сюда. Приятный аппетит, – щебетала девушка на ломаном балиумском.

Хаджар улыбался ей и кивал, делая вид, что речь у официантки чистая и правильная. Ужин вскоре уже стоял перед Хаджаром. Он аккуратно спустил Азрею. На стол. Стоило только котенку учуять запах еды, как он тут же очнулся и накинулся на пищу.

Хаджар кое-как, под недовольное шипение успел схватить половину рыбы и пинту браги. Вторую Азрею уже почти вылакала под ноль. Второй любимый напиток тигренка после молока – все, что горит. Он бы и сорокаградусную медовуху залпом осушил, будь у него к этому физиологическая возможность.

– Никогда не видел таких тигрят, – прозвучал легкий, свистящий голос.

Хаджар не удивился тому, что напротив него сидел лысый островитянин, спокойно грызущий точно такую же рыбу. Его больше удивило осознание того, что сидел там островитянин как минимум последние минут пять. А его не заметил не только сам Хаджар, но и Азрея. А чутье тигренка порой превосходило аналитические способности нейросети.

Тигренок, словно в подтверждение мыслей Хаджара, резко повернулся к гостю. Встопорщилась шерсть, выстрелили когти, и Азрея весьма угрожающе зашипела.

– Мне кажется, было бы неплохо представиться, – на языке островов произнес Хаджар, попутно поглаживая и успокаивая свою пушистую спутницу.

Островитянин склонил голову набок. Сложно было понять, куда он смотрит, потому как из-за узкого разреза глаз казалось, что и вовсе – никуда. Что глаза попросту закрыты.

– Обычно у жителей материка акцент центральных островов. Почти никогда – южных. У тебя, Хаджар Травес, акцент южных островов.

– Ты знаешь мое имя, я твое – нет, – парировал Хаджар, всем своим видом демонстрируя, что разговор продолжать не собирается.

Какое-то время они сидели в тишине. На улице веселились граждане. Они старались не замечать назойливого пятна в виде кабака, где находились одни лишь иноземцы. В основном – наемники. Из них, по сути, и состояла большая часть охраны каравана. Все же не каждый пустынный согласится рискнуть жизнью и отправиться в путешествие сроком шесть лет.

Три-то года – это только в одну сторону, а потом еще и возвращаться придется.

– Меня зовут Эйнен, – представился островитянин.

У их народа не было фамилий, а представляться по принципу «такой-то, сын такого-то» у них считалось унижением. Очень свободолюбивый и индивидуалистичный народ. Семья у них воспринималась исключительно с точки зрения практичности, и никак иначе.

Ну, когда твоя страна – это тысяча островов, разделенных огромными водными массивами, такой принцип кажется весьма рациональным.

– Что ты здесь делаешь, Эйнен?

Островитянин отпил немного браги.

– Пью, говорю с Северянином. Хочу узнать, откуда у него акцент южных островов.

Хаджар улыбнулся.

– Ты ведь понял, что я имел в виду совсем другое?

Островитянин кивнул и продолжил спокойно пить. Хаджар никогда не был силен в подобных «молчанках». Общение с людьми, спасибо десяти годам жизни в теле беспомощного уродца, в принципе давалось ему с трудом. Так что неудивительно, что вскоре он сдался.

– Некоторое время назад я знал твою землячку. Ведьму с южных островов. Ее звали Нээн. Впервые Хаджар смог распознать цвет глаз островитянина. Наверное, лучше было бы, если бы он этого не сделал. Очень необычно оказалось видеть почти фиолетовую радужку. Впрочем, Эйнен быстро взял себя в руки и действительно – прикрыл веки.

– Это многое объясняет.

– Что, к примеру?

Взяв посох в руки, островитянин поднялся.

– То, что ты пытался понять то, чего понять не сможешь. В варварских королевствах уже давно забыли истинный путь развития.

С этими словами, оставив Хаджара сидеть в недоумении, Эйнен вышел из кабака, на мгновение пуская внутрь прохладный вечерний ветер.

Глава 264

Закончив с ужином, Хаджар какое-то время молча курил и смотрел за окно. Суть визита Эйнена осталась для него загадкой. А вот следующий визитер, вернее визитерша, была в своих намерениях весьма откровенна.

Ильмена пришла в кабак уже порядочно набравшейся. Она качалась, на щеках блестел ржавый румянец. Глаза сверкали ничуть не тусклее, чем у Азреи. Но даже в таком состоянии она была достаточно обворожительна, чтобы заставить мужчин обернуться.

Шатаясь, она подошла к столику Хаджара и опустилась напротив. От нее пахло чем-то сладким, а еще алкоголем. Весьма сильно.

– Северянин, – слегка заторможенно произнесла воительница, – пойдем со мной.

Она схватила Хаджара за запястье и попыталась поднять с места, но слишком много яда было в ее крови. Слишком мало осталось силы и разума. Сделав несколько нелепых попыток поднять человека втрое ее больше, она сдалась и уселась обратно.

– Ну ладно, – пожалла Ильмена плечиками. – Хочешь, можем прямо здесь.

Все так же не отпуская запястья Хаджара, она дернула его за руку и приложила ладонь к собственной груди. Все нутро Хаджара тут же вскипело. Мужское естество напомнило о том, что существуют в подлунном мире не только меч и войны, но еще и плоть. Женская. Теплая. Упругая. Мягкая.

Хаджар выдернул ладонь. Не сразу.

От наемников вокруг буквально веяло завистью и похотью. Благо алкоголя в них было еще не настолько много, чтобы потерять голову и схватиться за клинки.

– Северянин...

Хаджар, как он это умел, заставил замолчать собеседницу одним лишь многозначительным взглядом. Ильмена кивнула, прокашлялась и вылила в горло остатки чужой браги.

– Что за пойло вы пьете у себя на севере! – скривилась девушка, замахав ладонями рядом со ртом. – Ну так что, варвар, пойдем? Или у тебя из двух мечей хорош лишь один, а вторым боги в достаточной степени не наградили?

Наверное, какого-нибудь мальчишку такое заявление задело бы и раззадорило, но только не Хаджара. Его холодный разум почти всегда мог взять верх над горячим телом. Иначе, спасибо драконьему сердцу, он бы по малейшему пустяку впадал в приступ звериной ярости.

– Ты пришла сюда, чтобы обидеть мальчика или чтобы забыть о поединке?

Нетрудно было догадаться, что под «мальчиком» Хаджар подразумевал племянника караванщика.

Ильмена, смерив Хаджара надменным взглядом, пьяно фыркнула и чуть не упала со стула-табуретки.

– А может, я пришла за тобой, – сказала она, приняв практически ровное положение. – Ты статен и силен, Северянин. Многие местные женщины, даже несмотря на твой цвет кожи, будут рады разделить постель с тобой.

– Но не ты, – едва заметно улыбнулся Хаджар.

Ильмена прищурилась, а потом выругалась. Неумело, неловко, сильно при этом краснея. Может, она и была прежде весьма близко знакома с явно не одним мужчиной, но при этом оставалась совсем юной. Осознание этого сняло желание Хаджара быстрее, чем ведро холодной воды, вылитой на промежность.

– Но ты ведь все равно пойдешь со мной, – даже не спрашивала, а утверждала Ильмена.

– Пойду, – кивнул Хаджар.

Она снова схватила его за запястье. На этот раз Хаджар не сопротивлялся. На ходу подняв Азрею и убрав ее в тюрбан, Хаджар смерил взглядом наемников. Ильмена вывела его на улицу. Она прижалась к нему, будто довольная кошка, и повела куда-то в сторону жилых домов.

Вокруг сновали люди. Многие из них косились в сторону парочки весьма недружелюбными взглядами. Они миновали базар, свернули в сторону неосвещенного пространства.

Хаджар схватил Ильмену и прижал ее к себе.

– А ты горяч, Северянин, – прошептала она ему на ухо.

Ее ладонь скользнула за тесемки на его кафтане. Хаджар улыбнулся и прошептал:

– Давай останемся друзьями.

Ошарашенная Ильмена не успела ничего понять, как Хаджар аккуратно, но быстро и точно ударил большим пальцем ей в висок. Глаза девушки закатились, и она обмякла в чужих руках.

– И почему люди без сознания столько весят, – прокряхтел Хаджар, поднимая Ильмену на руки.

Легко оттолкнувшись от земли, Хаджар вскочил на крышу дома. Размазавшись вороном, он миновал центральную часть города, пока не оказался около стены. По сравнению со стенами городов Лидуса, этот песчаный вал, увенчанный заточенными бревнами, особого уважения не внушал. Тем не менее, Хаджар решил, что идти к воротам – идея не из лучших.

Там несли ночной караул шестеро стражей. Каждый на уровне не ниже последней стадии формирования. На севере им бы сразу дали чин старшего офицера, не ниже. Здесь же – простые стражники. Не самая почетная и не самая оплачиваемая должность для воина.

Хаджар мог бы легко вырубить всех шестерых, но зачем?

Вновь оттолкнувшись, он быстро и незаметно переместился на стену. Стоя на кончике одного из бревен, Хаджар вглядывался в лежавшую перед ним пустыню. Совсем скоро он отправится в путь, который, возможно, закончится, не успев начаться. А возможно – изменит его жизнь. Но все это не сейчас.

Поправив тело Ильмены и придерживая ее за весьма пикантную часть тела, Хаджар такой же незаметной тенью соскользнул со стены и оказался за пределами города.

Здесь, всего в получасе ходьбы от города, находился схрон Хаджара. Под небольшим кустарником – сундук, вкопанный в песок.

Положив Ильмену рядом, Хаджар отрыл свои небогатые пожитки. Внутри сундука лежало всего несколько свертков. Шуба из белого меха (которая вряд ли пригодится в ближайшее время), спальник, медальон генерала Лунной армии, свитки и несколько покрывал.

Собственно, именно их Хаджар и искал.

Расстелив полотна на песке, Хаджар переложил на них Ильмену и накрыл ее плотным одеялом. Сам же, запалив костер из того самого кустарника, поджег табак в трубке и поднял глаза к звездам.

Небо пустыни, по сравнению с небом Лидуса, все равно что ювелирная лавка по сравнению с лотком уличного торговца бижутерией. Порой Хаджару даже казалось, что ночью здесь было светлее, чем днем. Свет лился с неба, как вода сквозь прорези черного бархата.

– Может, хватит прятаться, Эйнен? – произнес в пустоту Хаджар.

Спустя пару секунд из тени, отбрасываемой костром, буквально «вышел» островитянин. На его плече висела простая тряпичная сумка, в руках все тот же посох с железными набалдашниками. Разве что вместо сандалий он носил подобие сапог – обмотки из шкур животных.

– Ты не мог меня почувствовать, Северянин.

– Не мог, – согласился Хаджар, – просто я знал, что ты будешь поблизости.

Островитянин сел рядом и достал из складок одежды длинную, тонкую трубку. Совсем не похожую на ту, которую использовал Хаджар.

– Нам долгое время идти вместе, Северянин, – говорил Эйнен. – Лучше три года испытывать судьбу с другом, чем с недругом.

– Другом, – повторил Хаджар.

Больше за этот вечер они не сказали друг другу ни слова. На следующее утро Ильмена проснулась с головной болью и полным отсутствием воспоминаний о прошедшей ночи и предстоящем ей вечере. С трудом получилось убедить девушку, что ни она, ни ее честь никоим образом не пострадали.

Видимо, честные глаза (веки) Эйнена все же подействовали, потому как через полчаса Ильмена все же убрала кинжалы и больше не пыталась никого ими продырявить.

Еще через час они втроем подошли к условленному месту, где помимо Шакара (и его верблюда) находился еще и Шакх. По взгляду мальчишки Хаджар понял, что ничего путного на ум юноше не пришло.

Ревность – жуткая штука.

– Хорошо, что вы здесь, достопочтенная Ильмена, – вежливо кивнул караванщик.

Подобная вежливость от адепта к практикующему была необычна только для империи или Лидуса. Для пустынников же отсутствие манер означало потерю уважения окружающих.

– Увы, этой ночью мы недосчитались двух наших охранников, так что если вы все еще испытываете желание отправиться вместе с нами, то милости прошу.

Естественно, Ильмена это желание испытывала. А вот Хаджар заметил недвусмысленные бинты на руках Шакха. Оставалось надеяться, что это не более чем совпадение, потому что иначе путешествие сквозь пески могло стать еще интереснее, чем предполагалось.

Глава 265

Эйнен, как и Хаджар, выглядел весьма обеспокоенным данной новостью. Ну, насколько вообще каменное лицо лысого островитянина могло хоть как-то выражать его эмоции.

– Это не в моих правилах, но учитывая ситуацию, – продолжал Шакар, – я задержусь на полчаса, чтобы вы, Ильмена, успели собрать свои вещи.

Девушка покачала головой, а потом тут же скривилась. Не самая лучшая идея так активно использовать шею после того, как весь вечер активно использовалось горло. Алкоголь, голова и утро – не самые лучшие союзники.

– У меня есть все, что необходимо для такого путешествия, – заявила девушка.

Несмотря на то что все скептически отнеслись к заявлению леди, одетой лишь в легкие кожаные штаны и женский нагрудник, переубеждать не стали. У практикующих, да и вообще, среди незнакомых друг другу странников такое принято не было. Они не друзья и не родственники, чтобы заботиться о ближнем сверх меры.

Разве что Шакх попытался что-то сказать, но был остановлен властным взмахом руки Шакара. Хаджара вновь тронула легкая нотка ностальгии. Когда-то и он таким же жестом останавливал зарождающийся спор среди старших офицеров Лунной армии.

Сейчас, спустя едва ли не год, казалось, будто это было где-то в прошлой жизни.

– Тогда выдвигаемся. Караван уходит вечером, и у вас будет целый день, чтобы познакомиться с нашим маршрутом, старшими погонщиками и всем прочим.

Шакар издал какой-то непонятный звук, больше всего похожий на «ийцк», и его верблюд двинулся вперед. Следом поковылял Шакх. Только когда двое отошли на расстояние в десяток метров, в движение пришла отставшая тройца.

Не то чтобы они предпочитали держаться вместе, просто у каждого был личный мотив оказаться подальше от Небесного солдата и его племянника. Чем руководствовались Эйнен и Ильмена, Хаджар не знал. Сам же он собирался хоть немного отдохнуть и насладиться рассветом.

Солнце поднималось над ровной поверхностью выжженной земли. Укрывая золотым покрывалом скалы-клыки, оно рассекало лазурный свод, отчаянно сражаясь со слабеющей тьмой ночи. На западе все еще виднелись звезды и убегаящая от преследователя красавица Луна.

Горячий пыл солнца уже ласкал лица идущих, и те поспешно нацепляли шелковые платки, чтобы не высохли губы и не першило в горле. Хаджар, подняв шарф к переносице, смотрел на облака. Те, словно крылья, распахнулись вокруг огненного шара.

Как два клинка, они кружили вокруг него, но не смели подойти ближе.

Хаджар дотронулся до рукояти меча. В такие моменты он жалел, что у него нет свободной недели на глубокую медитацию. Может, тогда он смог бы поймать птицу озарения за хвост и пройти чуть дальше по пути духа меча.

В последнее время он все чаще стал замечать, что видит тень меча даже в самых простых предметах. В том, как он держал ложку, когда ел невкусную похлебку. Как ласкал женщин (что происходило не так уж и часто, а хотелось бы, разумеется, чаще). Как он говорил, а порой даже – думал. Как двигались по песку его ноги. Как двигался сам песок, как весело бежал рядом порыв ветра, несущий с собой истории о далеких землях и удивительных местах.

Во всем этом таилась неуловимая, сравнимая с миражом тень меча.

Это чувство, словно застарелый зуд, засело где-то в затылке и не давало Хаджару покоя.

– Северянин, – прошептал идущий рядом Эйнен на языке островов. Ильмена обернулась, слегка поморщилась и ускорила шаг, но было видно – прислушивается. – Мне не нравится эта

ситуация, Северянин. Пропажа двух охранников в ночь перед отходом каравана – недобрый знак.

Хаджар посмотрел на воительницу. И смысл ей было «греть уши», если этого языка знать девушка ну никак не могла.

– Подозреваешь Шакха?

– Мальчика? – удивился Эйнен. – Он горяч, как лавовый гейзер, но мягок, как снег перед ранней весной. Руки повредил, когда бил ими о камень или стену.

Хаджар задумался. Действительно, раны, которые он заметил на Шакхе, не могли быть оставлены в сражении. Только, конечно, если это сражение не проходило с неподвижной, шершавой поверхностью.

– Молодые сердца – как прилив во время шторма, – Хаджар мог поклясться предками, что островитянин даже улыбнулся, – но их разум в этот момент – как застывшая смола, – янтарь. Неподвижный и мертвый.

– Если то, что ты говоришь, правда, то кому понадобилось устраивать проблемы простому каравану?

Эйнен слегка повернулся к собеседнику, «вгляделся» ему в глаза и покачал головой.

– Не знаю, Северянин. И именно поэтому предлагаю держаться вместе.

– А с чего ты взял, что я тебе доверяю?

В этот раз Эйнен действительно... рассмеялся. Смех у него был неприятным. Как клекот дельфина или писк голодной чайки. И если Хаджар просто поморщился, то Ильмена, выругавшись, ускорила шаг и едва не догнала караванщика.

– Никто и не говорит о доверии, варвар.

Хаджара внезапно осенило.

– Ты подозреваешь меня, – сказал он, – и именно поэтому следил за мной ночью. Оказался рядом, когда я оглушил Ильмену.

Эйнен кивнул. Его костяшки слегка побледнели – он крепче сжал свой боевой посох. Будто готовился к бою.

– Я думал, ты ее убьешь.

– Зачем мне это?

– Не знаю. Видит Большая Черепаха – я просто не хочу получить удар в спину в самый неподходящий для этого момент.

Хаджар скривился и сплюнул, чем вызвал осуждающие взгляды всех пустынных. У них такое было не принято. К влаге, даже к слюне, здесь относились, как в Лидусе к золоту.

– Дружьюми он стать предлагал.

– Предлагаю и сейчас, – кивнул Эйнен. – Не пойми меня превратно, варвар. Если ты как-то в этом замешан, то будешь у меня на виду и я смогу лучше понять ситуацию. Если же нет и я зря тебя подозреваю, то в случае чего рядом со мной окажется сильный воин. Так или иначе, это работает тем же образом и для тебя.

Хаджар посмотрел на спокойного островитянина. Слегка блестела его лысина, которую он принципиально не заматывал в тюрбан. Не позволяли поверья их народа. Нээн тоже никогда не носила головного убора и не заплетала волосы в косы. Они всегда лежали на ее плечах и спине черным водопадом.

– Мы здесь оба чужаки, – вздохнул Хаджар, отпивая немного из бурдюка. Просто чтобы смочить губы.

– Оба, – кивнул Эйнен.

Дальше они шли молча.

Караван расположился от Города Трех Подков на почтительном, но не таком уж огромном расстоянии. Солнце еще не поднялось в зенит, когда Шакар наконец довел их до места встречи с остальными участниками предстоящего путешествия.

То, что открылось взгляду Хаджара, поражало воображение. Он ожидал увидеть нечто, похожее на лагерь бродячих циркачей, но только в большем масштабе. На деле же среди песка, скал и небольшой колючей растительности раскинулся маленький палаточный городок.

Здесь даже были какие-то плохенькие деревянные постройки. Народ сутился, слышались крики погонщиков, вопли животных. Несколько сотен палаток и куда больше, нежели тысяча людей.

Все они что-то делали, паковали вещи в тюки, перевязывали веревками дилижансы, навьючивали транспорт. Большинство одеты в простые кафтаны. В основном – белые или серые. Девушки в красных и синих. Такие лучше всего прятали от жаркого солнца.

Изредка попадались люди в легкой кожаной броне с накинутыми на плечи шелковыми плащами. Охранники. Что удивило Хаджара, они не просто бродили вокруг, кидая на все и вся подозрительные взгляды, а спешили помочь каждому, кто к ним обращался.

– В пустыне не выжить без взаимовыручки, – шепнула Ильмена, поравнявшись с Хаджаром, – вам, варварам, этого не понять.

Хаджар никак это не прокомментировал. Он никак не мог отойти от шока. И вот это небольшое поселение, а не «караван», должно за три года пересечь пустыню?

Боги и демоны! Это даже теоретически – невозможно.

Но, видимо, подобные опасения одолевали только Хаджара и, может, Эйнена. Шакар и племянник и вовсе, воодушевившись, прикрикнули на спутников:

– Давайте поторапливаться. К закату мы уходим в Море!

Глава 266

Идя сквозь толпу снующих, занятых делом людей, Хаджар слышал разные языки. Не все он мог с ходу понять, а некоторые – даже не узнал. Все же подобные караваны были единственным способом попасть в империю простым людям. Конечно, большую часть составляли местные – жители пустыни, но добрую четверть или даже треть – иностранцы.

Так что неудивительно, что охранники, салютующие на пустынный манер (приложив два пальца к губам, а затем ко лбу) Шакару, тоже не все являлись обладателями бронзовой кожи. Хаджару даже показалось, что он заметил несколько земляков, но те тут же скрылись где-то в толпе.

– Сейчас я представлю вас хозяину каравана, – говорил Шакар. – Перед этим послушайте и запомните правила, по которым будете жить в ближайшие годы... Ну или до тех пор, пока пески не заберут ваши души.

Ага, именно во множественном числе. Несмотря на наличие общей религии и одинаковых богов, поверья от страны к стране отличались. Так, к примеру, жители Моря Песка верили, что у человека находится три души.

Душа прошлого, определяющая его нынешнее рождение. Душа сегодняшняя, которая выстраивает судьбу человека в зависимости от его дел. И душа будущего – самая таинственная и самая ценная, ибо она определит посмертие и то, примут ли в доме предков умершего.

– Каждый день охранники поднимаются за час до общего сбора. Каждый обходит свое звено, проверяет, что все живы-здоровы, у всех хватит воды и еды на дневной переход. Сразу предупреждаю, вы пойдете в четырнадцатом – центральном звене.

С Шакаром, надо признать, здоровались не только охранники. Многие люди отвлекались от своих дел, чтобы обменяться парой незначительных фраз с главой охраны. Многие и просто – выказывали уважение, даже не ожидая ответной реакции.

Небесный солдат был видной фигурой. Не столько из-за силы, сколько по той простой причине, что именно караваны под его началом доходили до цели наиболее целыми и невредимыми.

Да, в пустыне бывало и такое, что караван уходил, но уже никогда не возвращался обратно, да и в империи о нем ничего и никогда больше не слышали.

– Еду и воду вы будете получать отдельно. Дневная порция – литр воды и один ужин. Все остальное – за ваши собственные деньги. В случае столкновения с кем-либо или... чем-либо, все, что падет от вашего клинка – ваша собственная добыча.

– А если оспорят? – тут же вклинилась Ильмена.

– Здесь никто не спорит, – парировал Шакар, – потому как никто не врет. Себе дороже.

Эту часть информации Хаджар пропустил мимо ушей. Он не мог оторвать взгляда от трех огромных тварей, идущих к центру каравана. Некая странная разновидность ящеров.

Грузные, с толстыми лапами, они возвышались над землей не меньше чем на пять метров. Широкие длинные шеи увенчивали квадратные головы с плоскими челюстями и зелеными глазами. Кожа свисала мешками, а вблизи буквально вживую можно было услышать, как в огромных брюхах плескалась вода.

Рядом с ящерицами бегали... курицы. Ну или нечто похожее, только ростом с коня, хищными клювами и рядами острых, желтых клыков. На них восседали пустынные в белых кафтанах, обмотанных разноцветными шарфами.

От каждого веяло силой не ниже трансформации смертной оболочки.

– Шакар! – выкрикнул один из наездников.

В зеленом шарфе, с коротким копьём и тяжелым круглым щитом, притороченным к седлу. Он подъехал к адепту, отдал честь и бросил быстрый взгляд на незнакомцев.

– Новенькие? – спросил он.

– Все так, Харад, – кивнул Шакар.

– Двое наших. Один Северянин и житель островов. Всегда удивлял меня твой выбор, Шакар. Ты же знаешь – те, кто видели хоть раз в жизни снег, никогда не смогут пережить и года в Море Песка.

Глаза Шакара сверкнули хитростью и толикой игривости.

– Ты хочешь сделать ставки?

Некто Харад подмигнул, приложил два пальца ко лбу и слегка поклонился.

– Вечером обговорим, Шакар.

С этими словами он издал такой же непонятный звук, и наездники вместе с огромными рептилиями двинулись вглубь поселения. Краем глаза Хаджар заметил, насколько сильно Эйнен в этот момент сжал посох. Да даже тень вокруг его ног слегка вспенилась. Как волна перед ударом о скалистый берег.

Островитянин, осознав, что на него смотрят, мигом успокоился.

– Не люблю ящериц, – сказал он и пошел следом за караванщиком.

Хаджар не стал уточнять, что Большая Черепаха – покровительница страны островов, на деле тоже является рептилией. В религиозные заморочки других людей Хаджар предпочитал не лезть. Как, собственно, и в душу. И особенно ценил, когда ему отвечали взаимностью.

Рядом пробежали дети, а за ними скучно ковыляли подростки. В том числе и молодые девушки, которые еще не встретили шестнадцатую зиму. И пусть они выглядели так, что многие мужчины в Лидусе отдали бы правую руку, чтобы подарить им обручальный браслет, возраст в пустыне определялся весьма просто.

По браслетам на лодыжках. Их начинали вешать только с шестнадцати лет.

– Ваша первоначальная задача – обеспечить сохранность вашего собственного звена. Помимо вас самих этим будут заниматься еще шестеро охранников. Тот, с кем я только что разговаривал, – глава караванного авангарда. Разведчики, если выразиться военным языком.

В этот момент Шакар покосился в сторону Хаджара, но тот сделал вид, что не заметил.

– Основные опасности, которые встретятся на нашем пути. – Шакар вытащил из-за пояса красивый белый пустынный цветок. Он ловко вдел его в волосы пробегавшей мимо девочки. Та рассмеялась и полетела дальше. Куда-то по своим, чрезвычайно важным и неотложным детским делам. – А они, смею вас уверить, будут встречаться. И, видят Великие Звезды, лучше вам об этом не забывать.

Хаджар услышал недовольное мяуканье Азреи и, вытащив из специального кармашка на поясе кусок вяленого мяса, убрал его в тюрбан. Из-за этого жеста окружающие посмотрели на него, как на идиота, но ничего не сказали.

– Скорее всего, несколько раз мы с вами встретимся с кочевыми племенами бедуинов. Там от вас почти ничего зависеть не будет. Если торговля пройдет удачно – все закончится хорошо. Если нет – будем биться. Про разбойников даже не говорю. Мы частенько устраиваем соревнования среди охранников – кто сколько сможет отправить к праотцам. Мне порой даже кажется, что в пустыне этих чехаров больше, чем песка.

«Чехар» – непереводимое ругательство на местном языке. Если близко по смыслу, то означало это нечто вроде «лишенного мужского естества сына дешевой продажной женщины, которого силой взял сзади старый, плешивый шакал». Вот только выражалось в одном емком, звучном слове «чехар».

– Каждый вечер не забывайте молиться предкам, чтобы мы не встретили по пути песчаных духов или монстров.

На миг повисла тишина. Каждый, кто нанимался в охрану в караван, в том числе и Хаджар, знал, о ком идет речь. Самая большая опасность пустыни вовсе не в жаре и песке, а в ее обитателях, разнообразных монстрах и духах.

– Все это вам еще расскажет ваш командир, а сейчас я представлю вас хозяину каравана.

Они оказались перед небольшим, но уютным белым шатром. Он слегка напоминал офицерский, что опять кольнуло ностальгией. Внутри было весьма просторно. Несколько подушек, курительное приспособление, стол с картой и седовласый, сухой старик, стоящий над ней идвигающий фигурки из белой кости.

– Достопочтенный Рахаим, – отсалютовал Шакар.

Остальные просто поклонились.

– Шакар, – улыбнулся отвлекшийся старец. – Вижу, ты пришел не один. Это хорошо. Хороших людей привел. Мне нравятся.

С этим он вернулся обратно к своим делам.

Шакар, снова отсалютовав, вывел людей из шатра.

Непонимание ситуации отразилось лишь на лицах Хаджара и Эйнена. Для остальных все было в порядке вещей.

До вечера Хаджар выслушал еще сто одно наставление. А потом ему подвели верблюда. Хаджар терпеть не мог ездить верхом. И это на лошадях. Когда же он взобрался на горбатую, шерстяную, пахучую тварь, то и вовсе проклял все, что можно проклясть.

Но стоило только опуститься ночи, как открылся проход в Море Песка – небольшое ущелье, окрашенное алым закатом, усыпанное развалинами построек древней цивилизации, когда-то здесь обитавшей.

Караван медленно двинулся вперед – на восток, где вдалеке плясала песчаная буря. Хаджар слегка задержался, обернулся. Теперь он отчетливо понимал, что в ближайшее время не сможет вернуться назад.

Перед его внутренним взором на краткий миг появилось поле, усеянное алыми цветами.

Ветер донес далекое, приглушенное: «Удачи».

Хаджар поправил шарф на лице, проверил, крепко ли держится меч в ножнах, и прищипорил верблюда.

Караван уходил в пустыню.

Глава 267

– Дядя Хаджар, дядя Хаджар!

Хаджар только благодаря великому усилию воли не закатил глаза. Напротив, повернувшись к источнику голоса – маленькой девочке в шелковом наряде, он широко улыбнулся.

– Что вы хотели, моя маленькая принцесса? – спросил он.

– А ты правда возьмешь меня замуж, когда я вырасту?

Маленькая девчушка бегала вокруг Хаджара и то и дело слегка спотыкалась, а Хаджар ее ловил и ставил на ноги. Ей было лет не больше шести, может, семи. Волосы ее не стригли с самого рождения, и теперь тугая, толстая черная коса едва не волочилась по песку.

– Увы, моя маленькая принцесса, мне дозволено лишь быть твоим рыцарем, – развел руками Хаджар.

Рядом с ним шел его верблюд, с которым отношения не сложились в самом начале путешествия. Дважды за первую ночь перехода это животное умудрилось скинуть своего наездника. Трижды Хаджар стегал тварь кожаным ремешком. Увы, вскоре это заметил Шакар и заявил, что если Хаджар еще раз поднимет руку на верблюда, то и сам окажется на его месте.

В этот момент и сам Шакар, и Хаджар понимали, что претворение угрозы в жизнь приведет к битве, победитель в которой не определен заранее. В то же время Хаджар понимал, что Шакар является авторитетом и не имеет никакого смысла пререкаться с начальством.

С тех самых пор, вот уже как месяц, Хаджар шел пешком, а верблюд двигался рядом. Хаджар использовал животное исключительно как грузовой транспорт. Скинул на него все свои небогатые пожитки. На этом двуногий и четвероногий путешественники нашли общий язык. Теперь никто не усложнял друг другу жизнь.

Правда, тот факт, что Хаджар теперь шел по песку, привел к более тесному знакомству с пассажирами его звена. Всего под его (и еще девяти других сторожей) охраной находилось почти восемьдесят человек. Пять дилижансов, сорок верблюдов, пятнадцать пустынных лошадей.

Последние вызывали у Хаджара еще большее отторжение, нежели верблюды. Очень непривычно видеть лошадь с шестью копытами, которая мирно пасется и жует... песок.

Девочка, которая бегала вокруг Хаджара, была дочерью человека, к которому Хаджар и Эйнен относились с максимальной осторожностью. Он выглядел как-то... иначе. Нет, одет был весьма обычно. Кафтан, сандалии, браслеты на лодыжках и тюрбан. Минимум украшений. Простой дилижанс, простые верблюды. Ничего не выдавало в нем кого-то необычного.

Разве что на своем веку Хаджар видел достаточное количество не просто знатных, а высококороченных господ. И вот этот самый Зурх выглядел, именно как аристократ в каком-нибудь девятом или девятнадцатом поколении. Хоть и старался это скрыть.

К тому же он никого не пускал в свой дилижанс. При этом еды всегда брал на одну порцию больше, чем ему требовалось. Несложно было догадаться, что в его дилижансе обитает третий член семьи.

– А если ты победишь пустынного дракона! – не успокаивалась маленькая девочка. Дочь Зурха. – Вдруг тебе дадут титул!

– Тогда, конечно, я обязательно на тебе женюсь.

Девочка в очередной раз споткнулась, но Хаджар вовремя ее подхватил. Караван вытянулся бесконечной вереницей по самому гребню бархана. В одну и другую сторону уходили многометровые откосы. Стоило только соскользнуть с гребня, как человек кубарем летел вниз.

Даже если в процессе он не сломал себе шею, не утонул в песке, зарывшись в него лицом, то мелких порезов и ран останется немало. В каждую из них забьется песок, что будет вызывать

просто невыносимый зуд. Под солнцем, как бы ни прятались от него, начнется нагноение, а там уж как боги решат.

Ну или насколько хватит денег, чтобы отправиться к караванным лекарям.

– Ура, дядя Хаджар на мне женится! – закричала девочка и унеслась куда-то в обратную сторону, где ее уже ждали приятели. Такие же маленькие дети других пассажиров каравана.

Проводив юного беса, Хаджар на миг встретился взглядом с Зурхом. Высокий, статный, с чистым лицом и острой, черно-седой бородой. Заметив, что охранник смотрит на него, Зурх будто вытянул из себя стержень.

Его широкие плечи слегка опустились, искры в глазах потухли, а кожа будто посерела.

– Актер, – прошипел Хаджар и отвернулся.

Солнце миновало зенит, и караван двигался дневным переходом вот уже почти час. По слухам, которые здесь разлетались быстрее ветра, если караван не доберется до оазиса в течение ближайших трех недель, то цена на воду взлетит втрое. А потом и вдесятеро. И тогда люди начнут умирать.

– Северянин.

Как и всегда из тени под ногами Хаджара бесшумно выплыл Эйнен. Такая его техника постоянно вызывала у Хаджара желание ударить клинком наотмашь. Останавливало лишь понимание того, что и в битве с островитянином победитель так же не был определен заранее.

– Ты можешь прекратить это делать? – в который раз спросил Хаджар.

– Как только ты прекратишь слушать ветер, я перестану ходить среди теней, – слегка улыбнулся островитянин.

За месяц совместного пути Хаджар научился различать эмоции Эйнена. Когда у того слегка, едва заметно дрожали уголки губ, это означало – он улыбается.

– Узнал что-нибудь? – перешел к делу Хаджар.

Они шли рядом, делая вид, что охраняют караванный дилижанс с бочками с водой. В последнюю неделю Шакар распорядился, чтобы в каждом звене к воде приставили по четыре человека.

Исключением стало лишь центральное звено. Выяснилось, что в сравнении личного контингента оно оказалось самым сильным. Эйнена и Хаджара вполне хватало для охраны воды. В крайнем случае, «под рукой» всегда была Ильмена, способная переместиться с одного конца каравана в другой с невыносимой скоростью.

Хаджар однажды, пару недель назад, своими глазами видел, как воительница во время тренировки за долю мгновения преодолела сто метров расстояния. После такого ее фортеля за ней осталась дорожка из стекла. Она двигалась так быстро, что ее техника банально превратила песок в стекло. Один этот факт вызывал у Хаджара опасения по поводу возможной битвы насмерть с Эйненом.

– Начну с того, что мне не нравится твоя идея подслушивать разговоры наших командиров.

На этот раз Хаджар не сдержался и закатил глаза. Эйнен все же был слишком правильным. Примерно неделю Хаджару пришлось проявлять все свое мастерство красноречия, чтобы убедить островитянина принять участие в его аванюре.

Чутье Хаджара подсказывало, что что-то в происходящем не так. Да, целый месяц они двигались по морю песка в весьма спокойной обстановке. Всего пару раз на некоторые звенья нападали пустынные монстры. Слабые, они не стоили даже того, чтобы звучал горн, созывающий воедино всю охрану.

Ни одной пустынной бури, ни единого племени бедуинов или группы разбойников. Ни вспышки болезней, ни подвернувшего ногу верблюда, потянувшего бы с бархана дилижанс с провиантом.

Смертельное путешествие через бесконечную череду песчаных волн больше походило на летнюю прогулку. И все же чутье Хаджара подсказывало ему – что-то здесь не так.

Может, это было связано с Зурхом. Может, с тем, что за последние несколько дней Хаджар ни разу не видел Шакха. Парнишка, доселе постоянно вертевшийся поблизости (пытался любыми способами показаться на глаза Ильмене и втянуть ее в диалог), теперь пропадал у дяди и Харада – начальника местной разведки.

– Ближе к делу, островитянин.

Эйнен, протерев платком пот с лысой головы, слегка стукнул посохом о песок. Тень вокруг его ног еле заметно забурилась, а потом их обоих накрыла почти невидимая взгляду сероватая дымка. Если специально и долго не вглядываться, так и не увидишь.

Хаджар внезапно осознал, что не слышит ничего и никого, кроме своего напарника. Наверное, то же можно было сказать и об окружающих. Звуки не покидали купола техники Эйнена.

Единственное, что смущало в этом Хаджара – купол двигался вместе с ними. Вряд ли такой уровень техники (все той же демоновой техники-не-техники) был подвластен Сере или Нээн.

– Они чего-то боятся, – сказал наконец Эйнен.

Хаджар подождал немного, но, кажется, островитянин не собирался продолжать.

– А если конкретнее?

– Конкретнее, Северянин? – Судя по дернувшейся брови, островитянин был раздражен. – Командирский состав обсуждал это исключительно с Рахаимом. И, видит Великая Черепаха, мои техники сокрытия не сработают против Небесного солдата пиковой стадии.

Хаджар выругался. Совсем недавно он узнал, что невзрачный старик – хозяин каравана – на деле является адептом, стоящим на грани становления Рыцарем духа.

Опять же, зачем управлять караваном с такой силой... Загадки, тайны и мистерии. Хаджар уже пожалел, что не попросил у сестры «немного» денег и не добрался до империи с комфортом каравана вельмож.

Три месяца в удобном дилижансе – и вот ты уже в приграничье.

– Чего-то или кого-то?

Эйнен задумался.

– И того и другого, – ответил он. – Не нравится мне происходящее, Северянин. Очень не нравится.

Хаджар посмотрел на раскинувшийся перед ними пейзаж. Куда бы ни падал взор, вздымались в небо золотые волны. Барашками сияли пески на их гребнях. Многометровые валы плясали по выжженной солнцем земле. Ни единого облачка на необыкновенно низком, иссиня-голубом небесном своде. Палящий огненный диск пускал смертельные лучи.

Несмотря на кажущуюся неподвижность и безмятежность пейзажа, даже воздух здесь был пропитан смрадным дыханием смерти.

– К нам гости, – шепнул Эйнен и развеял технику.

Глава 268

Со стороны «главы» каравана, в данный момент похожего на огромную змею, выющуюся по гребню бархана, на пустынном вороне (так назывались эти белые зубастые курицы) к Хаджару и Эйнену мчался Харад. Как всегда в белом кафтане, с копьём, щитом и обмотанный зеленым шарфом.

Хаджар за этот месяц мало когда ощущал себя охранником. Зачастую он был нянькой для маленьких детей – играл им на ронг’жа, рассказывал смешные и страшные истории. Иногда даже спать укладывал.

Порой ремонтником – помогал чинить небольшие поломки в дилижансах. Поправлять чьи-то сандалии, зашивать порванные кафтаны. Часто – переводчиком, когда возникал спор между людьми, не понимающими языка своего оппонента.

Как и предупреждал Шакар, Хаджар выполнял любое поручение и внимательно относился ко всем просьбам. Вскоре он действительно понял, что имела в виду Ильмена, когда говорила о взаимовыручке.

Стоило Хаджару где-то кому-то с чем-то помочь, как ему отплачивали тем же. Если у людей хватало средств, то его кормили, давали еды или даже помогали с новыми сандалиями. Если нет, то дарили какие-нибудь фенечки (коиими Хаджар обвешал уже оба своих запястья), забавные украшения для волос (их не одобряла Азрея, но Хаджар показательно вплетал, чтобы люди видели, что он это ценит).

Когда средств не хватало и на это, то отвечали улыбкой и искренней благодарностью. Так что Хаджар действительно не ощущал того, что выполняет вовсе не свои обязанности.

Чего уж там, пару раз он видел, как сам Рахаим чинил сандалии бедняку, идущему в последнем звене. И это не было актом особой добродетели. Просто если сегодня ты в пустыне не помог кому-то, а завтра помощь понадобится тебе, то можешь вспоминать имена предков. Никто не придет, а один, скорее всего, ты не выживешь.

Такой вот рационализм, по незнанию выглядящий очень красиво и душещипательно.

– Хаджар Травес. – Голос у Харада был пусть и спокойным, но бегающий взгляд выдавал беспокойство.

Хаджар сделал шаг вперед и отсалютовал, приложив пальцы к губам, а затем ко лбу.

– Тебя зовут Рахаим и Шакар, Хаджар Травес. Следуй за мной.

Хаджар бросил быстрый взгляд на Эйнена, но тот лишь развел руками. Он тоже не знал, зачем столь видным людям мог понадобиться простой охранник. Даже не командир своего звена. С последним Хаджар перебросился всего парой слов, за месяц ни разу больше не встретил и оттого даже имени не помнил.

Чтобы не отставать от пустынного ворона, пришлось постараться. Харад, насколько знал Хаджар по разговорам среди караванщиков, был непростым человеком. Во всех отношениях. Так что неудивительно, что он погонял свой транспорт, вовсе не заботясь о том, что следующий за ним Хаджар может отстать.

Когда смотришь на вереницу каравана со стороны, кажется, что она вытягивается едва ли не на километр. А вот когда бежишь на собственных двоих вдоль нее, то это расстояние увеличивается с каждым пройденным шагом.

Спустя четверть часа Хаджар оказался перед огромным дилижансом. Запряженный шестью пятиметровыми зверьми, он больше напоминал платформу на колесах, нежели дилижанс. Именно скорость этого дилижанса задавала скорость всему каравану.

Помимо этого он выполнял еще одну функцию. За ним стелились тяжелые металлические ковры, которые разравнивали гребень бархана и уплотняли его, позволяя остальному каравану идти спокойно и не опасаться смерти под откосом.

Харад спрыгнул со своей «курицы», отдал поводья подчиненному и откинул лестницу. Все это делалось на ходу – во время перехода караван не останавливался ни на секунду.

По предупреждениям более опытных охранников, даже если на караван совершат нападение – он все равно не остановится. Таково было самое главное правило выживания в пустыне – постоянное движение.

– Следи за манерами, варвар, – предупредил Харад, поднимаясь по лестнице.

Хаджар никак не отреагировал на заявление и взобрался следом. Внутри, как и в прошлый раз, он встретил вполне себе аскетичную обстановку. Подушки, на которых сидели люди, низкий стол-карта и стоящий рядом с ним старец.

– Достопочтенный Рахаим, – поклонился начальник разведки, – я привел к вам Хаджара Травеса.

– Спасибо, Харад, – кивнул старик. – Сядь пока рядом.

Когда Харад уселся на свободную подушку, стоять остались лишь двое. Хаджар и хозяин каравана. Какое-то время они смотрели друг другу в глаза. Хаджар не знал, что в нем видит адепт, находящийся на грани становления Рыцарем духа. Но вот сам Хаджар видел в зеленых глазах старца... ровным счетом ничего. Как если бы на него смотрели вовсе не человеческие органы, а ограненные изумруды.

Может, это было связано с тем, что старик умел контролировать свои эмоции. Может, с тем, что как бы ни был талантлив Хаджар, но простой практикующий просто неспособен «прочесть» Небесного солдата стадии пика.

Прервав игру в гляделки, Рахаим повернулся к главе охраны. Шакар сидел на подушках, а рядом с ним, что неожиданно, находился его племянник. Он как-то весьма недобро смотрел на Хаджара. Но юношеская недоброта ограничивалась желанием подраться и разобраться с ревностью, не более. Желания убийства Хаджар не ощущал.

Это радовало.

– Ты уверен, Шакар? – спросил старик.

Шакар кивнул и достал из тряпичной сумки небольшой свиток. Он развернул его и продемонстрировал окружающим.

Хаджар тут же схватился за рукоять клинка.

На свитке красовался его не самый лучший, но все же – портрет. На этом портрете он в своей знаменитой броне с ликами демонов стоял перед пылающим замком секты Черных Врат. В руках он за волосы держал отсеченную голову патриарха, а вокруг ликовали воины Лунной армии.

Детали портрета – явная придумка художника. Не сказать, что Хаджару не льстило, но тем не менее.

– Безумный Генерал из Лидуса, – сказал Шакар. – Человек, выигравший три войны. Практикующий, убивший двух Небесных солдат. Брат королевы Элейн. Лучший меч двух королевств. А если верить бардам, попросту – лучший мечник, рождавшийся за последние сто лет.

– А еще, – взял слово Харад, – предатель своей родины. Предатель, объявленный мертвым.

Не теряя больше ни секунды, Хаджар обнажил меч...

Вернее – он попытался это сделать, потому как внезапно понял, что не может пошевелиться. Тело ниже шеи будто парализовало. Все, что он мог контролировать, ограничивалось головой.

Посмотрев вниз, Хаджар увидел уткнувшуюся ему в грудь указку, которую держал старик Рахаим. При этом Хаджар не чувствовал ни единого возмущения в потоках энергии.

Проклятый старик остановил его без использования техник! Как это вообще было возможно?

– Успокойтесь, юноша, – голос Рахаима звучал ровно и сухо, – никому из нас нет дела до судьбы Лидуса, Балиума или любого иного государства севера. Ваши дела – это ваши дела.

– Тогда зачем я вам нужен? – спросил Хаджар.

Рахаим убрал указку, и Хаджар вновь обрел власть над собственным телом. Правда, меч он решил не обнажать. Почему-то слова старца действительно подействовали на него успокаивающе. Начавший пробуждаться в глубине его голубых глаз дракон вновь свернулся кольцами и погрузился во тьму зрачков.

– Лично я предлагал связать тебя, оставить на перевалочном пункте и затребовать награду. – Харад шелкнул пальцами по надписи внизу портрета.

Там империя предлагала весьма приличную (по местным меркам, для самой Империи – мелочь со сдачи) сумму. Все же не простили они ему смерть наместника. Благо награда была подписана в приграничье. Так что вряд ли в глубине огромной империи вообще знали о существовании Безумного Генерала. Хотя бы просто потому, что понятия не имели, где находится Лидус.

Некоторые города империи были больше, чем вся северная провинция Лидуса.

Безумие, конечно. Хаджар в такое не верил. Чтобы город, да таких размеров...

– Нам нужна твоя помощь, генерал...

Хаджар тут же перебил Шакара.

– «Северянин» мне больше по душе, – произнес он.

Окружающие переглянулись, но ничего не сказали. Разве что большинству не понравилось, что простой охранник перебивает главу охраны. Да и вообще, отсутствие манер для местных было большим грехом.

– Хорошо, – кивнул Шакар. – Нам нужна твоя помощь, Северянин. Никто из присутствующих не обладает твоим опытом и знанием. Нам нужен твой совет. А если сам решишь, то и твой меч. Естественно, за дополнительную плату.

– Мои знания и опыт? И зачем же каравану нужны знания генерала?

– Потому что иначе наш караван не переживет следующего месяца, – внезапно произнес Рахаим. – Скоро в пустыне начнется война, Северянин. И мы движемся прямо в ее сердце.

Сказать, что Хаджар грязно выругался – не сказать ничего.

Глава 269

Хаджар обвел взглядом присутствующих. Втайне он надеялся, что они неудачно пошутили или, на худой конец, утрируют. Увы, по серьезности лиц верхушки «командования» каравана можно было сделать лишь один неутешительный вывод. Вывод о том, что Хаджар ушел с войны, но вот война отпустить своего генерала не собиралась.

Наверное, кому-то бы польстил такой поворот судьбы. Но только не Хаджару. Пусть он и носил с собой амулет Безумного Генерала, но только в качестве дани памяти погибшим собратьям. Тем, кто не смог вернуться, чтобы обнять мать и отца.

Хаджар за эти годы возненавидел войну. Да, она дала ему многое – позволила отомстить. Но в качестве цены забрала почти все, что было дорого Хаджару.

Ладонь невольно потянулась к кожаному мешочку, прикрепленному к поясу.

– А обойти это самое «сердце» нельзя? – предположил Хаджар.

– Обойти? – ошарашенно переспросил Рахаим.

Окружающие переглянулись. Кажется, такого предложения они не ожидали. Слегка качался дилижанс, шуршали свитки на столах, за шелковыми «стенами» поднимался ветер. Он нес с собой приглушенные отзвуки жизни каравана и, наверное, обещал через пару недель принести бурю.

– Вы хотели услышать совет Безумного Генерала, – развел руками Хаджар. – За годы войны я уяснил одно: лучшая битва – это та, которая не состоялась.

И вновь повисла тишина. О чем думали эти пустынные – Хаджар не знал. Сам он лихорадочно прокручивал в голове многочисленные варианты развития событий.

Будь рядом Неро, он бы посоветовал взять верблюда порезвее, еды и воды, украсть карту и рвануть через пески в одиночку. Сера бы сразу отклонила такое предложение. В Море Песка даже Небесному солдату выжить в одиночку практически невозможно.

Во всяком случае, так утверждала пустынная ведьма.

Хаджар был склонен верить подруге.

– Мудрые слова, – кивнул старик. – Если бы мы могли, то так и поступили, не спрашивали вашего совета, почтенный Северянин.

Хаджар слегка дернулся от такого обращения. Не потому, что Рахаим внял его просьбе и действительно обратился как к «Северянину», а из-за приставки «почтенный». Давненько его никто так не называл. Да и чего уж там – в бытность героем Лидуса он тоже не часто слышал подобное обращение.

Здесь же это было так же буднично, как и вежливый тон. Часть местного менталитета, если угодно.

– Я все понимаю, уважаемый Рахаим, – слегка склонил голову Хаджар. – Но если вы хотите построить диалог, придется поделиться информацией. Вслепую я мало чем смогу вам помочь и предпочту вернуться к своим обязанностям охранника.

На какое-то время Рахаим и Хаджар вновь сошлись в состязании взглядов. На этот раз на мгновение, столь краткое, что могло показаться игрой воображения, Хаджар увидел во взгляде старика заинтересованность.

– Вы не боитесь смерти, Северянин, – не спрашивал, а утверждал Рахаим.

Хаджар вспомнил озеро, в котором тонул. Вспомнил видение, в котором его звала за собой сперва прекрасная дева, а потом прогнивший, покрытый тиной скелет.

– Однажды я посмотрел ей в глаза, – тихо произнес Хаджар. Так, чтобы его слышал только старик, – в ней нет ничего страшного. Во всяком случае, для меня.

Еще пара длинных и тяжелых секунд молчания. В это время крепчал ветер, занося песок внутрь и принося с собой вовсе не прохладу, а сухой и неприятный воздух. От него слезились глаза и сохли губы, создавая иллюзию жажды.

Хаджар часто слышал истории, что вода была не только спасением, но и погибелью. Тот путник, у которого ее было с собой слишком много, и кто не мог себя контролировать, часто пил столько, что потом умирал от вздутия или еще какой-нибудь дряни, связанной с потреблением шести, а то и семи литров воды в день.

– Смотри внимательно, Северянин. – Рахаим взял в руки указку и уже собирался что-то обозначить на карте, как с места вскочил Харад.

Начальник местной разведки выглядел встревоженным, несколько раздраженным и безмерно обеспокоенным.

– Достопочтенный Рахаим! – воскликнул он, салютуя на местный манер. – При всем уважении, он не нашей крови. Его кожа не знала Солнца. Это чужак!

– Цвет кожи – последнее, что меня заботит на сегодняшний день, – достаточно жестко ответил Рахаим. – И каждый, кто идет по гребням песчаных волн, не может быть для нас чужаком.

– Но он простой охранник!

– Сядь, Харад. Не позорь предков. На тебя смотрят Великие Звезды.

– Но дед!

Глаза Рахаима на мгновение вспыхнули недобрым пламенем, а Хаджар ощутил, как ему стало труднее дышать. Несмотря на то что за бортом все еще плясал ветер, пологи улеглись, а в дилижансе воцарилась чуть ли не мертвенная атмосфера.

Силы старику, несмотря на дряблый внешний вид, было не занимать.

– Прошу простить мне мою дерзость, – поклонился Харад и уселся обратно на подушки.

«Неплохо они здесь дела делают», – пришло на ум Хаджару. Один – племянник главы охраны. Другой – внук непосредственно хозяина самого каравана. Все же сильны для местных кровные узы, не то что – для островитян.

К удивлению Хаджара, он не обнаружил в направленном на него взгляде Харада ни капли ненависти или отторжения. Тот просто высказал свои опасения, получил свой ответ и на том успокоился. Он не стал таить злобы, как это сделал бы любой «уважающий себя» офицер Лидусской или Балиумской армии.

И было в этом какое-то удивительное отличие. Вот вроде и те – люди, и эти – тоже люди. Но неувовимо отличающиеся в самых мелких и порой неожиданных деталях.

В этот момент Хаджар пожалел, что не отправился в путешествие раньше. Сколько еще удивительных открытий таил в себе этот бесконечный мир?

– Что ты знаешь о Городе Магов, Северянин? – внезапно спросил Шакар.

Сделал он это с неувовимого, но все же присутствовавшего одобрения Рахаима.

– По рассказам моей знакомой, которая родом из этих мест, это такая же сказка, как и Хельмер, повелитель ночных кошмаров.

С той лишь разницей, что Хельмера не так уж и давно – несколько лет назад – Хаджар видел собственными глазами. Даже имел возможность пообщаться. Больше к такой okazji он не стремился. Во всяком случае, до тех пор пока не достигнет хотя бы десятой части той силы, которой располагал... располагало представшее перед ним существо.

– С той лишь разницей, – слегка улыбнулся Шакар, – что Город Магов действительно существует.

Иронию подобного заявления мог осознать только Хаджар. Больших усилий ему стоило не улыбнуться.

– Тысячи тысяч лет назад, – начал свой рассказ Шакар, – когда Море Песка было настоящим, полноводным, бушующим океаном, из него поднялись великие скалы. Сотни веков соле-

ные воды омывали их, пока те не рухнули и не засыпали море, подняв со дна бесконечность песка. Так появилось Море Песка.

– Эту легенду я знаю, – кивнул Хаджар.

– Как и любой житель окрестных земель. Но только нашим детям рассказывают продолжение. О том, что на вершине этих скал жили люди, которые могли прочесть по движению звезды судьбу мира, могли разговаривать с камнем, слушать ветер, танцевать с огнем. Их путь развития был совсем не похож на наш. Они плыли на поверхности Реки Мира, в то время как мы стремимся к ее глубинам. Они видели светлое небо, а мы вглядываемся во тьму.

Хаджар внимательно слушал рассказ Шакара, ощущая в нем какие-то потаенные мистерии этого мира. Мистерии, за которыми он и отправился в путешествие, не имеющее своего конца.

– И когда волны разрушили скалы, эти люди поговорили с камнем и ветром. Они связали их крепкими узами и оставили скалы парить среди облаков. Подобное самоуправство стало неуютно богам. Они отправили своего эмиссара, и тот уничтожил непокорный народ. Но, увидев великие достижения, в качестве дани уважения оставил в их огромной библиотеке кусочек собственных знаний.

Тут в глазах присутствующих, даже в, казалось бы, спокойных и неподвижных изумрудах старца, отчетливо отразился огонек вожеления.

– Этим эмиссаром был Дегер, бог войны, – продолжил за подчиненного Рахаим, – и по преданиям, он оставил в библиотеке один из шести свитков своих техник. Свиток «Полуночного дня».

«Полуночный день». Ну да, конечно же, демонов бог, если он вообще существовал, просто не мог выдумать менее непонятного и пафосного названия.

– Я все еще не особо понимаю, каким образом это касается войны и нашего каравана, – заметил Хаджар.

Окружающие вновь переглянулись.

– Напрямую, Северянин. – Рахаим указкой продвинул по карте статуэтку, изображающую воина с огромной секирой. – Скоро откроется путь в Город Магов, а значит – и библиотеку. Санкеш, принц пустынь, палач городов, гибель стран, пойдет туда. И каждый, кто окажется на его пути, падет.

Глава 270

– Для ясности, – слегка прохрипел Хаджар, – я тут недавно, пару месяцев назад, услышал историю в одной из чайных Трех Подков. Санкеш – это вроде как безумный садист, Рыцарь духа, демонопоклонник и любитель человеческой плоти.

– Байки простых людей, – с легкой улыбкой ответил Рахаим. – Санкеш действительно Рыцарь духа, но в его моральных качествах не стоит сомневаться. Он достойный воин и честный правитель, но при этом всегда добивается своей цели. Любыми путями и средствами.

В этот момент Хаджар впервые увидел жизнь в глазах Рахаима. Правда, эта жизнь ограничилась проявлением грусти. Хаджар уже собирался надавить на тему и докопаться до истины, как наткнулся на предупреждающий взгляд Шакара. Глава охраны слегка покачал головой, давая понять, что это будет лишним.

– За последние четыре года Санкеш продвинулся далеко от Города Скорпиона, его родины. – Рахаим указал куда-то на край карты – самый восток Моря Песка. – За ним горели сотни городов, он сжег десятки оазисов.

Указка летела на запад. Все дальше и дальше от скорпионьего города. Все ближе и ближе к тому пути, на котором стояла фигурка каравана.

– И почему именно сейчас? – спросил Хаджар. – Раньше ему, кажется, вполне комфортно сиделось на родине.

– Потому что через два с половиной года на небосклоне пройдут мимо друг друга две красных кометы. И под местом пересечения их хвостов, по легенде, и можно найти Город Магов.

Хаджар не показал виду, что подобный ответ не удовлетворил его любопытства. Ну хорошо – скрестятся там кометы. Без проблем. Санкеш мог и у себя во дворце, среди сотен дев гарема, лежа на подушках, ждать, пока на небе появится метка.

Нет, он двигался по пустыне со скоростью лесного пожара. Он явно шел за чем-то... или кем-то.

Дурно все это пахло. А еще дурнее оттого, что далеко не всё ему собирались рассказывать на местном «совете».

– Мы движемся к оазису Курхадана, – Рахаим передвинул указку чуть севернее, – доберемся туда в течение ближайших недель. Но, как ты можешь увидеть, Северянин... – Старик вновь двинул указку. Фигурка Санкеша, пусть и находилась едва ли не в годе пути от Курхадана, была направлена в ту же сторону. – Путь принца песков пересекается с нашим.

– Разбойники и бедуины, – догадался Хаджар.

– Все верно, – кивнул Рахаим.

На самом деле Санкеш и Город Магов не были основной головной болью Рахаима. Нет, он смотрел на принца песков, лишь как на падающий со скалы камень. То, чего на самом деле боялся старик, – это лавину, которую камень за собой принесет.

Вот уже четыре года армия Санкеша движется по пустыне, сгоняя с обжитых мест бедуинов и, что страшнее, разбойников. Те не могут идти на восток, к землям, которые захватил Рыцарь духа. Нет, они идут на запад.

Многие из них по пути сражаются друг с другом, но большинство наверняка...

– По последним слухам, в Море появились крупные союзы бедуинов и разбойников, – слова Рахаима подтвердили опасения Хаджара, – и все они бегут от Санкеша прямо сюда, в область, по которой пойдет наш караван.

Указка очертила нарисованный между вереницей оазисов путь. И именно по этому пути и лежал путь каравана, в котором шел Хаджар. И попал он в него вовсе не волей и насмешкой

судьбы. Нет, просто среди всех караванов, не принадлежащих вельможам, этот шел до империи быстрее всего.

И вот такое вот желание сэкономить от месяца до двух лет привело Хаджара к очередной войне.

Иронично.

– Мы уже обсуждали возможность свернуть, – опередил Хаджара начальник разведки. – Рядом с нами лежат пути других караванов. Они не захотят делиться ни водой в оазисах, ни своим путем. За каждый путь сражались наши предки. Каждый путь – вена, от которой зависит благополучие караванщиков и их городов. Никто так просто не станет делиться кровью с чужаками.

– Но вы же все опалены одним Солнцем, – не смог сдержаться от укола Хаджар, – и в пустыне не выживают без взаимовыручки.

– А вы все вроде как сошли с одних и тех же гор, – пожал плечами Харад. – А взаимовыручка и самоубийство – разные вещи, Северянин.

Что ж, действительно, подобный спор можно было долго продолжать. Вот только пользы от него не было.

– Значит, если подвести итог... – протянул Хаджар. Он без спроса взял лежавшую рядом указку и встал над картой. Вообще, подобная карта была дороже целого города. Такие хранились в строжайшей тайне, и допускались до них лишь единицы. Именно это вызвало такой протест со стороны Харада. – Мы с вами вынуждены идти по маршруту, который пересекает возможные орды не самых дружелюбных людей.

– Проклятые чехары, – слышались шепотки по дилижансу.

Ну да, честные караванщики сильно недолюбливали «свободных пиратов» Моря Песка. Те обычно отвечали взаимностью. Как там говорится – грабь караваны, воруй детей, ешь, пей, убивай. Вот простые законы жизни для разбойников и частично бедуинов. Впрочем, зачастую отличить первых от последних не представлялось возможным.

– И вы хотите, чтобы я придумал план, по которому мы сможем выжить?

– Придумать план? – переспросил Рахаим. – Нет-нет, достопочтенный Северянин, лишь быть рядом, чтобы дать ценный совет или сделать важное замечание. Еще, если верить рассказам, которые нам принес Шакар, вы были известны своей способностью проникать туда, куда никто проникнуть не мог. И устраивать всем окружающим проблемы. Говорят, вы в одиночку сожгли целую армию, как вы сказали, кочевников.

Сердце больно кольнуло.

– Десятую ее часть, – взял себя в руки Хаджар. – У меня были достойные соратники.

– Что же, – кивнул старик, – на этот раз, видят Великие Звезды, вы и сами станете достойным соратником. С этого дня при необходимости вы можете покидать свой пост охранника. Но только для того, чтобы участвовать в разведывательных миссиях Харада. Надеюсь, собственные глаза скажут вам больше, чем слова старика.

Отчего-то Хаджар на мгновение ощутил легкое дежавю. Улыбнувшись далеким воспоминаниям, он не смог сдержаться и заявил:

– Могу ли я уже сейчас сделать небольшое замечание, достопочтенный Рахаим?

– Вы здесь для этого и находитесь, Северянин.

Видят боги, эти самые боги умели насмехаться над смертными.

– Я бы посоветовал так же присоединить к делу островитянина Эйнена. Его техники тени просто бесподобны. Могут возникнуть ситуации, когда от него будет зависеть судьба всего каравана.

Рахаим повернулся к Шакару.

– Северянин прав. Эйнен порой пугает даже меня.

– Да будет так. Ты, Северянин, – все же странная манера постоянной смены «вы» на «ты» и обратно, – сам расскажешь ему все, что сочтешь нужным. На этом пока все. Жди вести от Харара, будь готов к битве, и да будут над тобой светить Великие Звезды.

Хаджар поклонился, отсалютовал на местный манер и покинул дилижанс. Его не провожали, да это и не требовалось. Хаджар даже был рад возможности побыть одному (пусть и весьма относительно, учитывая идущий мимо караван).

Ему требовалось все максимально подробно обдумывать. А как говорил его брат – две головы всегда лучше, чем одна, да и то пустая Хаджарская.

Спустя час Хаджар вернулся к своему звену. Он немного покатал на плечах дочь Зурха. Успел спеть ей и рассказать две сказки. Только после этого «мутный» отец позвал дочку обратно в дилижанс, а из тени возник Эйнен.

На ходу оба они закурили трубки, а островитянин внимательно слушал подробный рассказ Хаджара. Тот не стал ничего утаивать от Эйнена. Попросту не видел в этом никакого смысла. Такой открытый диалог весьма положительно отразился на душевном состоянии Хаджара.

Было приятно свободно что-то с кем-то обсуждать, не боясь выдать какой-нибудь своей тайны.

Внезапно Хаджар понял, что у него вообще практически не осталось тайн. Если, конечно, не считать чужого сердца под ребрами.

Подобное осознание сделало шаг Хаджара быстрее и легче, пусть он пока и сам того не осознавал.

– Значит, мы плывем в пасть к акуле и надеемся, что она нас не съест, – резюмировал Эйнен.

– При этом из нас сочтется кровь, мы отчаянно барахтаемся, а акул становится все больше.

– Не буду отрицать, Хаджар, я рад тому, что ты вспомнил обо мне, – внезапно улыбнулся (по-настоящему, чем едва не заставил Хаджара споткнуться) островитянин. – Встречать опасность лицом к лицу, какой бы она ни была, мне больше по душе, чем прятаться в тени.

– Я думал, в этом ты лучший.

Улыбка на лице Эйнена стала еще шире.

– Ты еще не видел, в чем я действительно лучший, варвар. И, слышит Великая Черепаха, лучше бы мне не пришлось это демонстрировать. Спокойное море всегда лучше, чем кровавое.

Да, действительно, порой островитянин пугал.

Хаджар посмотрел в сторону заката, к которому они двигались. Кажется, тот штиль, сквозь который они шли в течение прошлого месяца, оказался не более чем затишьем перед бурей.

Хаджар слегка сжал рукоять своего простого, но добротного безымянного меча.

Видят боги, он встретит эту бурю с распростертыми объятиями. Ведь если и существовала эта клятая библиотека, то в ней наверняка можно было бы найти несколько записей о богах.

Теперь уже не только на лице Эйнена сверкала предвкушающая улыбка.

Хаджар ощущал, что сделал в сторону своей цели миниатюрный, но шаг.

Глава 271

Хаджар ловко увернулся от выстрелившего в его сторону посоха. Тот просвистел всего в паре сантиметров от виска. За спиной расцвел бутон чернильного коралла, сорвавшегося с железного набалдашника.

Эйнен слегка дернул запястьем левой руки и выпрямил локоть правой. Его посох тут же превратился из безжизненного куска странного дерева в хлесткий кнут.

По спине Хаджара будто слон бивнем ударил.

Зарывшись лицом в песок, Хаджар ушел перекатом в сторону и мгновенно вскочил на ноги.

– Ты быстр для мечника, Северянин, – Эйнен упер посох в «землю» и вытер пот со лба, – но медлителен для воина.

Еще никогда в жизни Хаджара не называли медленным. Он всегда полагал, что скорость – его конек.

– Посмотрим. – Губы Хаджара растянула азартная улыбка.

Согнув колени, Хаджар убрал клинок обратно в ножны. Затем, будто молния, он выхватил его, подкрепляя движения энергией и стойкой «Весеннего ветра».

Удар получился настолько быстрым, что собравшиеся посмотреть на спарринг зрители вместо дракона увидели лишь вспышки солнца на черных чешуйках Хозяина Небес.

Эйнен провел посохом по песку, поднимая в небо целую бурю. Не такую плотную и... «магическую», как Шакар. Нет, островитянин просто на мгновение закрыл обзор противнику. Когда же песок осел, то удар Хаджара уже увяз в распахнутой обезьяньей пасти.

Самого островитянина нигде не было.

Выставив перед собой клинок в защитной стойке, Хаджар крутился и озирался по сторонам. Он пытался отыскать спрятавшегося в своих тенях Эйнена. Но ни один орган чувств не мог дать Хаджару хотя бы приблизительной информации о местонахождении противника.

Глаза видели лишь алый песок, окрашенный приближающимся рассветом. Уши слышали шепотки зрителей, собравшихся на ближайшем бархане. Кожа чувствовала дуновения западного ветра, но и в его ласках и шепоте не было ни следа Эйнена.

Все, что оставалось Хаджару – рассчитывать на реакцию и интуицию.

Внезапно в бок что-то укололо. Совсем не сильно, но все же ощутимо.

Хаджар ударил клинком наотмашь. С плоскости сорвался серп энергии меча, рассекший один из небольших барханов, но ни вскрика, ни капли крови.

Эйнен, появившийся из ниоткуда и оставивший на плече Хаджара черную метку, снова исчез в никуда. Затем еще несколько черных вспышек, всполохи от энергии меча, рассеченные барханы, но ни одного пореза на теле Эйнена. Он все так же прятался в тенях, а на Хаджаре постепенно проявлялся иероглиф «варвар».

– Ну ладно, – только шире улыбнулся Хаджар.

Вспомнив трюк Шакара, которым тот расправился с племянником, Хаджар прикрыл глаза. Он обратился к внутреннему мечу, маячившему где-то среди черноты и пустоты его сознания.

Тень от тени духа меча. Нечто, что Хаджар пока не мог объяснить. Это не была энергия мира в том виде, в котором он использовал ее в стойках техники «Меча легкого бриза». В то же время этот образ, мираж, не принадлежал той непонятной «ерунде», которую использовали местные, Эйнен, Сера и Нээн с наместником. Не касался мираж и способностей Хаджара наносить удар мечом на расстоянии – подобная способность проистекала лишь из его знания и мастерства в технике владения оружием.

Потому, как бы это глупо ни было, но Хаджар так и не понимал, чем же он овладел за годы тренировок с клинком. Но это непонимание никаким образом не мешало ему применять этот образ вместе со своими техниками. И сейчас он хотел попробовать использовать свой самый сильный удар.

– Приготовься, Эйнен, – предупредил Хаджар пустоту. – Я не знаю, насколько сильным получится следующее движение.

Хаджар мысленно взял этот образ в руки. Он соединил его со своим безымянным мечом. Затем, оказавшись намного ближе к поверхности «сознания», отыскал в нем формирующийся облик своей души – такой же мираж, обозначающий, что практикующий стоит на грани прорыва в пробужденный дух. От него Хаджар взял энергию мира и, используя метод Травеса, выполнил стойку:

– Весенний ветер! – И вместе с ним он использовал все знания о пути меча.

Зрители внезапно ощутили, будто где-то рядом марширует армия. Как бьют барабаны, как звучит военный горн. Как кто-то еле слышно, почти незаметно, выкрикивает чье-то имя. Словно скандирует имя генерала.

Затем в воздухе появились очертания клинков. Почти невидимые, еле ощутимые. Они кружили вокруг Хаджара, а между ними плыл дракон. Едва ли не бесформенный, но в нем уже можно было увидеть очертания когтей, глаз и черных чешуек.

А после Хаджар с силой вонзил меч в песок. Вокруг него тут же закружился стальной купол из порывов режущего ветра и клинков. Прозвучал рев дракона, вскипела кровь у зрителей, будто бы ставших частью невидимой армии. Им тоже захотелось скандировать имя генерала и бить клинками о тяжелые щиты.

Купол все разрастался. Тонкий, прозрачный, он, тем не менее, обладал ужасающей давящей и режущей силой. Он сминал песок, рассекая каждую из песчинок на крупницы столь мелкие, что те больше походили на пыль.

Внезапно купол задрожал, завибрировал. Он уже распахнулся едва ли не на четыре метра, оставляя Хаджара стоять на единственном островке спокойствия.

Затем перед ним появилась черная пелена. Как если бы кто-то огромный выплеснул в этот мир банку чернил, смешанных из сумрака и теней. Из этой пелены появился Эйнен. Он, как и недавно на испытании, выстрелил вперед посохом:

– Скалистый берег! – раздался возглас островитянина.

Теперь Хаджар понял, почему Ильмена так поспешно отдала в тот раз победу. Если со стороны этот прием казался падающими в море скалами, то теперь... Сейчас Хаджар ощущал, что треснуло небо и на него посыпались осколки горящих, кипящих звезд.

Вот только в отличие от Ильмены, он не стоял запертым в ловушке. Да и Эйнену пришлось пробиваться сквозь стальной купол. Тот бился с падающими скалами, рассекал их, разбивая стройный ряд тысячи выпадов посоха. Но сколько бы купол ни отражал атаки Эйнена, те становились только яростнее и быстрее.

Как и от Шакара и Ильмены, от островитянина стала исходить волна энергии, которую Хаджар не понимал и не осознавал. Она меняла атаку островитянина. Оборачивала скалы тьмой, делая их незаметными черными всполохами. И в какой-то момент один из таких ударов попросту... прошел насквозь купол, не встретив ни намека на сопротивление.

– Истинный путь развития... – начал было Эйнен.

– Заткнись, лысый, – перебил Хаджар.

Хаджар сжал рукоять обеими руками, а затем резко ими взмахнул, нанося сильный рубящий удар.

С лезвия сорвался порыв ветра, сформировавший титанический клинок, на плоскости которого танцевал дракон.

Где-то в центре, за рассеивающимся куполом, столкнулись клинок и черная скала. Раздался взрыв, закружил вихрь энергии. Зрители пригнулись, кто-то выставил перед собой щиты.

Хаджар отлетел на девять шагов назад. Прокатившись по земле, он с хрипом пытался поймать ртом воздух. На его груди расплывалось черное пятно – место, куда пришелся удар Эйнена. Ослабленный, потерявший темп и скорость – иначе бы он насквозь пробил не только тело Хаджара, но и глубоко бы ушел в песок пустыни.

На таком же расстоянии от Хаджара лежал Эйнен. Его тоже отбросило ровно на девять шагов, и так же на груди у островитянина расплывалось пятно. Только красное. Под рассеченными одеждами виднелся неглубокий, но длинный порез, а вокруг него – черный синяк.

– Видят Великие Звезды, – прозвучал голос над головой, – если бы я не знал, что вы простые практикующие, подумал бы, что вижу сражение истинных адептов.

Хаджар с трудом приподнял голову. Сквозь мутную пелену, все еще застилавшую взор, он различил очертания фигуры. Вскоре она приняла образ улыбающегося Харада. Видимо, тот был рад тому факту, что его пополнение обладает подобными возможностями.

– У вас есть час на сборы, иноземцы, потом мы отправляемся в дозор.

С этими словами Харад развернулся и ушел, а Хаджар плюхнулся на спину и задышал чуть ровнее. Впервые за долгое время он понял, что даже если бы использовал все свои козырные карты и умения, то исход поединка все так же не был бы предreshен.

– Повторим через месяц, – прокряхтел где-то в стороне Эйнен.

Хаджар был не против.

– Если доживем, – ответил он.

– Если доживем.

Глава 272

– Дядя Хаджар! Дядя Хаджар!

Не успел Хаджар перебинтоваться и выползти из своего дилижанса, как под ногами уже снова оказалась маленькая, смешная девчонка. Она бегала вокруг и размахивала руками. Недавно Хаджар рассказал ей историю о птице Рух, которая парит в небе где-то над просторами империи. Огромный сокол, способный в своих когтях унести целую деревню.

Девочке понравилась эта история (там фигурировали большая любовь, трагедия и счастливый конец) и теперь она все время играла в «птицу и ветер». Самое смешное, что сам Хаджар до сих пор не знал, как зовут девочку по имени.

Просто не довелось спросить.

– Да, моя маленькая принцесса?

Девочка остановилось, заложила руки за спину и широко улыбнулась, становясь похожей на закатное солнышко. Светлая улыбка и глаза, смуглая кожа и черные волосы.

– А ты почему такой сильный? Папа сказал, что никогда прежде не видел такого мечника, как ты.

Хаджар оглянулся. Зурх шел рядом со своим дилижансом. Он порой нет-нет, да поглядывал в сторону дочери, но особо не волновался. Ни один охранник не стал бы таковым, если бы в нем не были уверены. И тем более у пустынников было особое отношение к детям.

Вряд ли бы даже Санкеш одобрил методы Примуса, которые тот применил к племяннику. Другой народ – другие нравы.

– А твой папа много мечников видел? – как бы невзначай спросил Хаджар.

– Конечно! – с гордостью ответила девочка. – Он видел их столько, столько, столько....

Она явно с трудом перебирала свой словарный запас, пытаясь подобрать подходящее сравнение.

– Столько же, сколько вечером звезд на небе!

Хаджар сдержал добродушную улыбку. Чтобы такой «простой» человек, каким пытался показаться Зурх, видел такое количество мечников? Меч ведь, если задуматься, не самый из популярных видов оружия.

Тяжелый в обучении, не самый грозный в сражении. Если взять общую массу воинов к количеству мечников – последних даже и видно не будет. Потеряются на общем фоне.

Так откуда же у Зурха была возможность увидеть подобное количество идущих по пути меча?

– Только ты не говори папе, – вдруг стушевалась и зашептала девочка. – Мне нельзя это обсуждать.

Хаджар кивнул и, все еще пребывая в своих думах, сдуру провел ладонью по губам, показывая, что она навеки запечатаны. Этот жест не укрылся от отца ребенка. Тот позвал девочку обратно. Но то, как он это сделал...

– Сера! Не убегай далеко!

– Хорошо, папа! – выкрикнула в ответ девочка. – Пока, Хаджар. Пожалуйста, не умирай сегодня!

Она произнесла это с той же легкостью, с какой и любую другую фразу. Еще раз улынувшись и обернувшись солнышком, она умчалась к отцу. Хаджар все это время стоял оглушенным. Звуки доносились до него как сквозь водную толщу.

Сердце забилося быстрее...

– Северянин, – на плечо легла легкая ладонь, – твой стиль медитаций иногда меня удивляет.

Хаджар помотал головой. Пора уже было привыкнуть к тому, что некоторые имена слишком распространены для своей области. Очнувшись от наваждения, он повернулся к Эйнену:

– Не лучшее утро мы выбрали для спарринга, островитянин.

Тот в ответ лишь пожал плечами и указал на небо:

– Что должно случиться, обязательно произойдет. Пойдем, Северянин, не люблю заставлять судьбу ждать.

Вместе они свернули с пути каравана и начали аккуратный спуск с бархана. На небе уже поднималось солнце. Оно пока не жарило нещадно, так что караван еще не встал на привал. Сделает он это лишь через несколько часов, когда солнечный диск окажется в зените и станет тяжело даже не идти, а просто банально дышать.

Шакар заранее предупредил новоявленных участников разведывательной группы о том, чтобы они не думали брать с собой верблюдов. Те были, конечно, надежными и верными спутниками в пустыне, но не самыми быстрыми. А в подобных вылазках в первую очередь важна именно скорость.

Эйнен шел впереди Хаджара. За ним стелилась широкая тень, накрывавшая собой зыбкий песок. Хаджар, ступая по ней, ощущал, как идет по твердой поверхности. Это никак не вязалось с его представлением о техниках, но сколько бы он ни спрашивал островитянина, тот хранил то же молчание, что и Сера с Нээн.

Лишь раз он ответил нечто наподобие: «Я не могу рассказать тебе об истинном пути развития, Северянин. Одно мое неверное слово, и я разрушу твой путь. Направлю не в ту сторону. Только опытный и мудрый наставник способен этому обучить».

Возможно, именно поэтому Хаджар так и не добился прежде ответов на свои вопросы.

Благодаря тени Эйнена, с бархана они спустились намного быстрее, чем «простые» люди. Внизу уже собиралась ватага Харада. Все те же сожженные солнцем мужчины и женщины. Кто-то сидел на «боевых курицах» – песчаных воронах. Те, продолжая поражать воображение Хаджара, мирно щипали песок на манер пустынных лошадей.

Другие взобрались на пятиметровых ящериц и вели наблюдение уже оттуда. Благо таких тварей (не людей, а ящериц) было всего три, а то в их присутствии Хаджар ощущал себя несколько некомфортно.

– Почему-то я не удивлен, – прошептал Эйнен, указывая посохом чуть в сторону.

Рядом с одной из ящериц стояло еще две белых, зубастых курицы. В седлах на них, с красными шарфами, гордо восседали весьма знакомые персонажи. Шах, все так же неловко пытавшийся завязать беседу с Ильменой, всем своим видом показывавшей, насколько ей это противно.

– Действительно, – согласился Хаджар, – неудивительно.

Связано ли их присутствие с Шакаром или тем, что Рахим пытался всеми силами укрепить разведывательный отряд – Хаджару было без разницы. Куда больше его заботил вопрос выживания в ближайшие годы, нежели попытки разобраться в хитросплетении мыслей в чужих головах.

– Вы не особо торопились.

Харад верхом на весьма грозного вида «курице» вовсе не выглядел смешным. Наоборот, его короткое копьё и щит внушали здоровую толику опасности. Да и видно было, что птица для него вовсе не простое средство передвижения, а верный боевой товарищ.

Количество проплешин в оперении «ворона» и шрамы на мощном клюве сходу выдавали боевой тандем. Видимо, не раз Хараду приходилось сходить в бою с бедуинами, разбойниками и прочими напастями Моря Песка. И как бы Харад ни относился к иностранцам, но не мог не вызывать уважения к своей персоне.

– Не лучшее время для спарринга, – ответил Эйнен, чем слегка удивил Хаджара.

Только человек, не общавшийся с островитянином, мог бы подумать, что услышал оправдание. Для Хаджара же было понятно, что лысый позволил себе небольшую насмешку над Харадом. Видимо, и с ним глава разведки успел слегка подпортить отношения.

– Забирайтесь на воронов и постарайтесь не отставать. Я не стану тратить время на повторное обсуждение плана и маршрута. И если вы доживете до момента, как мы прибудем в ущелье Мертвых Гор, постарайтесь, – Харад смерил их не особо приятным взглядом, – постарайтесь быть поменьше собой и побольше – достойным Великих Звезд путником Моря Песка.

Легкий укол прошел мимо как Хаджара, так и Эйнена.

Спокойно кивнув, они отошли к стоявшим в стороне пустынным воронам. Лысый выбрал себе того, что поменьше, поспокойнее и с синим шарфом, примотанным к седлу.

Хаджару же досталась крупная особь с шарфом цвета безлунной ночи.

Только подходя к «курице», Хаджар уже сразу понял, что простым этот путь не будет.

– Ненавижу демоновы седла, – выругался он.

Глава 273

Хаджар скрипел зубами, но крепко держал поводья бешеной курицы. Если прежде ему казалось, что путешествия на конях и верблюдах – явно не его конек, то теперь он знал точно – кроме его собственных ног, он больше никогда и на чем не будет ездить.

Да, пустыня проносилась мимо с такой скоростью, что барханы представляли в образе бесконечного золотого шлейфа. Если бы не разноцветные шарфы, повязанные на лица, песок, несомый встречным ветром, мигом бы снял кожу. Двулапые, огромные птицы обладали воистину пугающей скоростью.

Вот только Хаджар вместо того, чтобы наслаждаться пейзажем бесконечной пустыни, пытался не упасть с седла и не распрощаться с жизнью.

– Ты слишком напряжен, Северянин, – довольно ехидно заметил скачущий рядом Харад. – Он чувствует твой страх.

Хаджар не смог даже челюстей разомкнуть, чтобы как-нибудь достойно ответить.

Видя результат своей насмешки, глава разведчиков победно улыбнулся и уехал в авангард отряда. Шах, едущий позади Хаджара и являющийся замыкающим звеном, всем своим видом выказывал солидарность с Харадом. Хаджар этого не видел, но чувствовал буквально спиной.

Порыв ветра справа едва не выбил Хаджара из седла. Из ветряного облака пыли и песка возникла сияющая Ильмена. Вот она-то была в своей стихии. Скоростной зверь и скоростная девушка тут же нашли общий язык.

– Не пытайся им управлять, варвар. – От воительницы буквально исходили волны радости и счастья. В лучах рассветного солнца (безумная скачка продолжалась уже третий день) она выглядела как песчаная фурия или нимфа. – Просто дай ему возможность решать самостоятельно. Поводья нужны, чтобы направлять, а не управлять.

Хаджар посмотрел на клюв птицы. Та повернула голову, вперив в наездника черный глазбусину. Почему-то Хаджар мигом понял, что стоит только ему последовать данному совету, как его немедленно сбросит вниз.

На такой скорости, да с многометрового бархана – вряд ли даже у более крепкого практикующего останутся шансы выжить. Если бы еще и Эйнен присоединился к всеобщему веселью, Хаджар бы точно плевал на все благоразумие. В данный момент идея спрыгнуть на песок и использовать энергию на технику «Десяти воронов» не казалась ему такой уж глупой.

Да, возможно, у него не хватит запаса сил, чтобы продержаться на приличной скорости и часа, но этот час станет для него настоящим раем. Раем, в котором ни одна тварь не будет властна над судьбами его задницы и шеи.

В этот момент в воздух взмыл поднятый кулак Харада. Несмотря на многие километры расстояния и разный менталитет, некоторые жесты являлись интернациональными. Ну или просто – слишком понятными, чтобы придумывать другие.

Кроме одного участника, с торможением у отряда проблем не возникло. Хаджар же слишком резко дернул поводья и чуть ли кубарем не перелетел через вставшую как вкопанную курицу.

– Демоны и звезды, – выругался Хаджар едва ли на местный манер.

В последний момент он успел вытащить ногу из стремени и соскочить на песок. Выпрямившись, Хаджар с победным видом посмотрел на остановившуюся рядом курицу. Почему-то ему показалась, что та лишь презрительно фыркнула в ответ.

Хотя, возможно, этот звук принадлежал кому-то из непрошенных наставников. Ильмене или Хараду. Так или иначе, каждому Хаджар мог бы объяснить ошибочность их заблуждений при помощи своего клинка. Если бы, конечно, на это нашлось время и желание.

– Мы еще даже не на границе Мертвых Гор, – протянул Шакх, стягивающий с лица цветастый шарф.

Его в этот момент мало кто слушал. Все смотрели на одного из «всадников» огромной ящерицы. Сухой, седовласый мужчина. Он вытянул вперед левую руку, замотанную плотной, но уже давно обветренной и потрескавшейся дубленой кожаной перчаткой.

Внезапно уши прорезал протяжный, соколиный крик и с неба стрелой спустилась черная точка. Она все росла и увеличивалась, пока не обернулась огромной птицей-хищником с размахом крыльев не меньше четырех метров.

Такой сокол-переросток мог бы не только овцу, но и молодую девственницу в небо утащить. Но что еще больше поразило Хаджара, так это факт общения мужчины и птицы.

Они молча смотрели друг другу в глаза, но Хаджар четко ощущал струящуюся энергию. Ту самую, которой он не мог ни придумать названия, ни найти нормального объяснения. Возможно, лишь в школе или академии в империи ему удастся приоткрыть завесу над тайной, которая вот уже не первый год мучила его сознание.

Разговор человека и птицы длился не дольше минуты. Затем сокол взмахнул крыльями, поднимая миниатюрную песчаную «метель», и исчез в небе так же быстро, как и появился.

– На севере, среди Песчаных Камней стоят разбойники, – констатировал «говорящий с птицами». Голос у него был под стать пернатому другу – такой же скрипучий и пронзительный. – Не дольше, чем в полудне пешего пути.

Харад покачал головой.

– Путь нашего каравана с ними пересекается?

Вместо ответа мужчина только кивнул.

– Померкшие звезды, – выругался Харад.

Видимо, лицо Хаджара настолько отчетливо выражало непонимание происходящего, что Ильмена сжалась. Она, сохраняя правила все той же «страстной» игры, прошептала на ухо:

– Вы все пропустили, когда опоздали, – спокойным тоном вещала она, хотя со стороны это выглядело несколько иначе. – В мертвых горах, по донесениям Сулара, который только что с соколом говорил, встало лагерь большое племя бедуинов. Не меньше трех тысяч взрослых наездников, еще столько же детей и стариков.

– А Мертвые Горы...

– Находятся прямо перед Курхаданом, – прозвучало со спины. Нетрудно было догадаться, что говорившим оказался Шакх. Мальчишки, они и в пустыне – мальчишки. Хаджару даже стало любопытно – если бы не Примус и участь калеки, был бы он таким же? – И обойти Мертвые Горы невозможно, иначе путь к оазису займет на месяц больше и начнется нехватка воды.

– Мы собираемся биться с кочевниками? – К разговору присоединился возникший из тени Эйнен.

А может, он и вовсе все это время стоял рядом. Стоило только отвести взгляд от островитянина, как он тут же пропадал.

– Будем надеяться, что у нас получится с ними договориться, – несколько устало протянул Харад.

Хаджар потер переносицу. Может, это только в Лидусе было не принято, когда диалог двух людей превращался в «реплику от каждого, чье имя помнил Хаджар».

– Славная выйдет битва, – туманно, как самому себе, произнес Эйнен, и его взгляд устремился куда-то в пустоту.

Хаджар уже немного ревновал к чокнутости лысого. Так можно и растерять права на прозвище «Безумного». Хотя, как уже стало понятно, «Северянин» пришлось больше по душе.

Судя по толике скептицизма во взгляде Харада, тот был схожего мнения об островитянине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.